

Чудаки. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Чудаки. Максим Горький

СЦЕНЫ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

К о н с т а н т и н М а с т а к о в .

Е л е н а .

В у к о л П о т е х и н .

Н и к о л а й П о т е х и н .

О л ь г а .

М е д в е д е в а .

З и н а .

В а с я Т у р и ц ы н .

С а м о к в а с о в .

С а ш а .

Т а и с ь я .

ЗАМЕТКА ДЛЯ АРТИСТОВ

М а с т а к о в – в каждый данный момент искренен. Увлекаясь – говорит очень просто, без пафоса, без аффектации и смотрит неотрывно в лицо собеседника. Раздраженный – беспомощен и слегка комичен. Красивые жесты, гибкое тело. Кокетлив, но – бессознательно. Слушая речи людей – склоняет голову набок и смотрит на них одним глазом, как птица.

В у к о л П о т е х и н – как будто потерял нечто, но не хочет, чтобы люди заметили это. Его балагурство – назойливо; под желанием смешить людей скрыто старческое равнодушие к ним. Чувствует себя одиноким и при удобном случае мстит за это окружающим его. Но когда его слушают, доволен вниманием людей, молодеет, становится проще, симпатичнее.

Н и к о л а й П о т е х и н – тяжёл, груб, к людям относится безучастно, любит подавлять их, рисуясь своей угрюмостью. Считает себя глубокой натурой. Вульгарен. От избытка самолюбия он неспособен любить; его отношение к Елене слагается из чувственного увлечения и зависти к Мастакову. В последней сцене искренен, как побитый.

С а м о к в а с о в – добрый, бесхарактерный человек, надоел сам себе, ищет, кто бы взял его в руки. Ни на минуту не забывает своего прошлого, и ему неловко среди людей, которых он впервые видит близко и неясно понимает. Доктор Потехин внушает ему антипатию, близкую к физическому отвращению. Держится, как военный, часто слишком подчёркивая это.

В а с я – прищуривает глаза, в надежде казаться умнее и острее.

Е л е н а – беззаветно и честно любит мужа, убеждена, что в её позиции нельзя себя вести иначе. Знает также, что в этой игре она рано или поздно окажется проигравшей всё. Её сдержанность – внешняя, а внутри она всё время жарко горит. Очень пластична, одета просто и изящно.

О л ь г а – ей за тридцать лет. Авантюристка, которая торопится найти что-нибудь прочное. Слишком много испытала для того, чтобы верить людям и огорчаться неудачами. Теряется перед Еленой, потому что не понимает её способа самозащиты. Торопливость мешает ей быть более стойкой, разгадать тактику Елены. Отнюдь не

Чудаки. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
вульгарна. Эффектнее Елены и, конечно, опытнее её.

З и н а – человек, который не смеет быть самим собой. Очень мила и красива.

С а ш а – строгое, даже несколько суровое лицо человека, видевшего много горя и нужды.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Дача в сосновой роще; сквозь редкие стволы видно стену дома, два окна, затянутые марлей, дверь и невысокую террасу. На первом плане стол, устроенный вокруг ствола большой сосны, кресло-качалка, плетёные стулья. Висит гамак. Поздний вечер, лунный свет. Когда поднимают занавес, среди деревьев видно серую фигуру доктора П о т е х и н а, он в шляпе, широком пальто. Прислушивается, глядя в сторону дачи, и, пожимая плечами, уходит не спеша налево. Через несколько секунд на террасу выходят М а с т а к о в и О л ь г а, идут наискось и направо.

М а с т а к о в (вполголоса, весело целуя руку Ольги). Какая добрая, милая...

О л ь г а (оглядываясь). Ш-ш! Кто-то ходит...

М а с т а к о в. Никого нет. Николай в городе, Елена у Медведевых... Дома только землемер, но он ищет противоречий, и всё ему чуждо, кроме них. (Целуя щёку Ольги.) Вот ты увидишь – я напишу пресмешной рассказ о нём...

О л ь г а. Ну – я иду... Не провожай...

М а с т а к о в. Подожди! Посиди со мной. Мне хочется рассказать тебе...

О л ь г а (пытливо). Нас могут заметить, ты не боишься?

М а с т а к о в. Мне хорошо, легко с тобой... Не хочется, чтобы ты уходила...

О л ь г а. Ага-а! Ты сколько времени не замечал, что я тебя люблю? Теперь я тоже начну бегать от тебя...

М а с т а к о в. Господи, как всё это просто, легко и красиво...

О л ь г а (освобождая руку). Ну, до свиданья... до завтра!

М а с т а к о в. Нет, подожди... дай мне сказать...

О л ь г а. Тише! Что ты кричишь?

(Они прошли направо, их не видно. Из-за угла дома смотрит вслед им горничная Саша. Мастаков возвращается, улыбаясь, мягко жестикулируя. Слева идёт Потехин, надвинув шляпу на брови, держа руки за спиной.)

П о т е х и н (подозрительно). Кого это ты провожал?

М а с т а к о в (подумав, с улыбкой). Не знаю.

П о т е х и н. И целовал?

М а с т а к о в (смущён, смеясь). Целовал! Друг мой – разве об этом спрашивают?

П о т е х и н (настойчиво). Мне показалось...

М а с т а к о в (быстро). Тебе часто кажется... странное! Ты только сейчас из города? Что там нового?

П о т е х и н. Ничего, конечно.

М а с т а к о в. А в газетах?

П о т е х и н. Есть две статьи о тебе...

М а с т а к о в. Хвалят?

П о т е х и н (с улыбкой). Н-ну... не очень... Больше ругают, пожалуй...

М а с т а к о в (садясь в гамак). Значит - можно не читать.

П о т е х и н (скучно). Ты читаешь только похвалы?

М а с т а к о в. Если ругают - неприятно читать, а хвалят - вредно. Похвалы внушают эдакие (вертит пальцами над головой) вредные идеи. Когда меня впервые назвали талантливым, так я, брат, такой безобразный галстух купил себе, что жена (вздохнув) осмеяла меня беспощадно.

П о т е х и н. Она где?

М а с т а к о в (оглядываясь). Пошла к Медведевым. Жениху Зины плохо...

П о т е х и н. Умрёт он.

М а с т а к о в. Вероятно. И ты умрёшь, со временем.

П о т е х и н (думая о чём-то другом). Ну, мы с тобой не скоро. А он скоро. Молодому неприятно умирать.

М а с т а к о в (с лёгкой досадой). Кажется, я уже слышал однажды этот афоризм.

П о т е х и н (так же). Особенно неприятно умирать... оставляя невесту...

М а с т а к о в. Ты это испытал? Ух, скучный ты... странный ты человек! Юноша знает, что ему не жить, но - ведь он не стонет, не жалуется, он умеет скрыть свою тоску... и это благородное уменье, эта прекрасная сдержанность как будто раздражают тебя... и других! Вы ходите вокруг него и ворчите - умирает, умрёт...

П о т е х и н (усмехнулся). Ты - слеп! Или, по обыкновению, сочиняешь.

М а с т а к о в. Право, если бы этот Вася умер со смехом, с радостью, ты, пожалуй, возненавидел бы его!

П о т е х и н (ворчит). Что за чепуха...

М а с т а к о в (настойчиво). Уж наверное ты сказал бы, что он сошёл с ума...

П о т е х и н (небрежно). Зина когда была здесь?

М а с т а к о в (устало). Часов в пять... около этого.

П о т е х и н (глядя в землю). Елена Николаевна пошла с нею?

М а с т а к о в. Да.

П о т е х и н. И не возвращалась?

М а с т а к о в. Нет.

П о т е х и н. Так! Гм! Значит, ты... (Тихо.) Константин, мы с тобой старые товарищи...

М а с т а к о в (отмахнувшись). Иди, отдохни, старый товарищ. Ты устал. Береги себя. Твоя культурная деятельность...

П о т е х и н (угрюмо). Не дури!

М а с т а к о в. Иди, иди. Знаю я тебя! Ты хочешь говорить о задачах литературы, о сострадании...

П о т е х и н. Слушай, это серьёзно... Оставим литературу.

М а с т а к о в. Всё прочее - неинтересно. Вот твой отец...

Чудаки. Максим Горький gorki.ucoz.ru

(Вукол Потехин в короткой куртке, шляпе и высоких сапогах стоит на террасе и, подняв голову, смотрит в небо.)

М а с т а к о в. Куда это вы собрались? На луну?

В у к о л. Перепелов ловить. (Идёт к ним.)

М а с т а к о в. Что за деятельная натура! Преклоняюсь пред вами, землемер. Как это ловят перепелов?

В у к о л. Перепелов ловят сетью, во ржи, а человеков – на противоречиях.

М а с т а к о в. Bravo! Вы владеете афоризмом превосходно. Николай, учись! И книга в кармане?

(Доктор раскуривает сигару, зажигает спички, стараясь незаметно осветить лицо Мастакова, пристально наблюдает за ним. Раскурив, уходит направо в рощу; плечи приподняты, голова наклонена.)

В у к о л. И книга. На рассвете выкупаюсь, лягу на росистую траву и часок почитаю, – хорошо, а?

М а с т а к о в. Чудесно! Особенно для вашего ревматизма.

В у к о л. Будут петь птицы, выполняя закон природы... (хлопая по книге ладонью) а человек будет рассказывать мне утешительные сказки про святую Русь, а? (Мастаков смеётся, болтая ногами.) О бессребренниках-инженерах, о святом квартальном, о нигилистах, великих простотою души своей, о святых попах, благородных дворянах и – о женщинах, о мудрых женщинах! Как приятно читать эти сказочки в наше-то тёмное, безнадёжное время, а?

М а с т а к о в (с интересом). Нравится он вам, автор?

В у к о л. Великий сочинитель! Сердце у него иссохло от тоски и отчаяния, но – он утешает ближнего! Читаю и ласково улыбаюсь ему: ах, милый! (Подмигивая.) Знаю я, что всё это – выдумка и утешительного ничего нет, но – приятен душе человек, который, видя всюду зверей, скотов и паразитов, сказал себе: давай-ка я напишу им образы примерно хороших людей...

М а с т а к о в (серьёзно, задумчиво). Да? Вот как вы? Это интересно...

В у к о л. Разорвал душу свою на тонкие нити и сплёл из них утешительную ложь... (Подмигивая, усмехается.) Думал ободрить меня, русского человека... Меня? Промахнулся, бедняга!

М а с т а к о в. Промахнулся? Почему?

В у к о л (подняв руку, точно клянётся). Не верю!

М а с т а к о в. Ах вы, старый нигилист!

В у к о л. Не верю! Храм сей, скверно построенный и полуразрушенный, Русью именуемый, – невозможно обновить стеной живописью. Распишем стены, замажем грязь и роковые трещины... что же выиграем? Грязь – она выступит, она уничтожит милые картинки... и снова пред нами гниль и всякое разрушение.

М а с т а к о в (серьёзно смотрит на него, склонив голову, точно птица). Так...

В у к о л. Не верю! Но – умиляюсь, когда человек говорит против очевидности, в добрых целях утешить и ободрить ближнего. Ведь в конце концов мы живём не по логике, а – как бог на душу положит. Вот и вы тоже, как он, противоречите действительности...

М а с т а к о в. Я?

В у к о л (подмигивая). Ну да, вы! Ведь тоже – выдумываете праведных-то людей, нет их на Руси вживе, а?

Чудаки. Максим Горький gorki.ucoz.ru

(Саша сходит с террасы, стоит у деревьев. Лицо у неё печальное, она смотрит на Мастакова с упрёком.)

М а с т а к о в (спрыгнув на землю). Это – неверно. Вы запираете жизнь в клетку какого-то обобщения, думая, что так она будет понятнее вам... И это – неверно! (Увлекаясь.) Ничего нельзя выдумать, и – не надо выдумывать...

В у к о л (смеясь). Нельзя? Не надо?

М а с т а к о в. Я верю, что победит светлое, радостное человеческое... я ищу вокруг себя этих явлений... жизнь – щедра, она мне их даёт!

В у к о л. Даёт? Грошики, копеечки, а?

М а с т а к о в (горячо). Мне нравится указывать людям на светлое, доброе в жизни, в человеке... Я говорю: в жизни есть прекрасное, оно растёт, – давайте любовно поможем росту человеческого, нашего! Человеческое – наше, нами создано... да!

В у к о л. Не поверят вам... Русский – не любит верить, вера обязывает. Русский любит подчиняться обстоятельствам, – он лентяй. Мы любим сказать: ничего не поделаешь, против рожна не попрёшь... мы живём шесть месяцев в году... а остальные полгода мечтаем на печке о хороших днях... о будущем, которого не будет для нас...

М а с т а к о в (снова влезая в гамак, заметил Сашу). Вы что, Саша?

С а ш а (вздвогнув). Барыня приказали предложить вам чаю...

М а с т а к о в (тревожно). Она пришла?

С а ш а. Нет. Она сказала, уходя, чтобы в десять часов я предложила вам чай.

М а с т а к о в. Пессимист, чаю хотите? Принесите сюда два стакана, Саша. И – хлеба.

В у к о л. Как супруга-то заботится о вас!

М а с т а к о в (тихо). Да-а...

В у к о л. Превосходнейшая женщина!

М а с т а к о в (оглядываясь). Возьмите меня перепелов ловить!

В у к о л. Вот это хорошо! Идёмте-ка!

М а с т а к о в. Кажется, С а м о к в а с о в интересный человек?

В у к о л. Мы все интересные люди... (Саша принесла поднос с чаем.) Мы все для вас должны быть интересны.

М а с т а к о в (простирая руки над головой Вукола). Заклинаю вас будьте!

В у к о л (усмехнулся, пьёт чай). Да, С а м о к в а с о в... заблудился он... Офицер, командовал ротой, необходимо было помочь сестре, пошёл служить в полицию... В девятьсот пятом году бросил эту службу, говорит – противно стало. А теперь вот жалеет, что бросил...

М а с т а к о в (с интересом). Жалеет?

В у к о л. Видимо. Очень много говорит о своей глупости... Идёт он.

С а м о к в а с о в (в тужурке военного покроя, офицерской фуражке, высоких сапогах. На плече перепелиная сеть, в руках клетка в холщовом чехле. Раскланялся с Мастаковым). Добрый вечер! Отличное время выбрали мы с тобой, землемер. Газеты читал?

В у к о л. Я же не люблю их.

С а м о к в а с о в. Победы. И я не люблю, а отравляюсь ими ежедневно...

В у к о л. Ну, тебя немцы беспокоят, а меня – никто! В немцев я не верю, в японцев тоже...

М а с т а к о в (очень любезно). Вы хотите чаю? Саша!

(Саша молча уходит в дом.)

С а м о к в а с о в. Благодарю! Вы тоже международной политикой не интересуетесь?

М а с т а к о в (улыбаясь). Я? Нет. О ней пишут сквернейшим языком.

В у к о л. И всегда – прозой. (Мастакову, указывая на Самоквасова.) Он очень боится немцев, японцев и, кажется, женщин. Ты ведь и женщин боишься, Мирон, а?

С а м о к в а с о в. Я не боюсь, а... мне думается, что шутить не время... Нам, русским, пора бы посмотреть серьёзно на наше положение в Европе... (Несколько возбуждаясь.) Никогда ещё Россия не стояла в такой безнадёжной, в такой опасной позиции... И мне странно слышать, что вы, литератор, вы, так сказать, духовная охрана страны... (Мастаков, улыбаясь, смотрит, склонив голову набок, в лицо ему, – это смущает и несколько раздражает Самоквасова.) Вы должны знать все беды, грозящие родине вашей...

М а с т а к о в (улыбаясь Вуколу). Вот ещё долг мой – видите?

С а м о к в а с о в (горячо). Можно ли шутить, когда из нас снова хотят сделать заслон против монголов? Европа прикрывается нами с востока, а когда мы окончательно истощим силы в борьбе с жёлтой расой, Германия отнимет у нас Польшу, Прибалтийский край, выйдет через Балканы в Эгейское море...

В у к о л. Захватит Марс, Венеру, Полярную звезду...

С а м о к в а с о в. Если бы ты следил...

В у к о л. Привык ты следить и командовать! Раньше – управлял движением извозчиков, а теперь – на государства посягаешь... брось!

С а м о к в а с о в. Чудак, ты пойми...

В у к о л. Брось политику и – купи гитару. Играй на гитаре. Это очень меланхолично и не нарушает тишины. Приятно будет видеть, как этакий бравый, усатый молодчина, сидя под окном, в час заката наигрывает чувствительно на грустном инструменте...

М а с т а к о в. Bravo, землемер! Это очень мило!

С а м о к в а с о в (грустно). Эх, господа...

В у к о л. И по щеке, на длинный седой ус, тихо сползает тяжёлая слеза одиночества...

(Мастаков смеётся.)

С а м о к в а с о в. Когда мы будем серьёзными людьми?

В у к о л. А вот когда начнём перепелов ловить.

М а с т а к о в (Самоквасову). Вы знаете, что я с вами иду?

С а м о к в а с о в. Приятно знать. А всё-таки, господа, немцы требуют нашего внимания...

М а с т а к о в. Да? А вы знаете, что европейцы упрекают нас в злоупотреблении серьёзными разговорами?

Чудаки. Максим Горький gorkiymaxim.ru

В у к о л. Дамы идут...

С а м о к в а с о в. Это вас, литераторов, упрекают...

(Слева входят Елена и Зина. Самоквасов кланяется, не протягивая руки.)

З и н а. Не бойтесь... давайте вашу лапу... я не злопамятна.

В у к о л. К тому же вы ссорились не в последний раз.

З и н а. Конечно.

С а м о к в а с о в (смущён). Я – рад! Сердечно рад...

(Елена тихо подходит к мужу, он, виновато улыбаясь, как бы невольно протягивает ей руку.)

М а с т а к о в. Как ты долго!

Е л е н а. Скучал?

М а с т а к о в. Вот эти двое обижают меня политикой, философией, астрономией и всяческой мудростью... (Видит в руке у неё связку ключей на кольце и перчатку, нахмурился.) Что это у тебя... чьё это?

Е л е н а (внешне безразлично). Вероятно – Ольги Владимировны. Я подняла на дороге, попало под ноги мне... Она была?

М а с т а к о в. Да. Она была. Землемер, мы скоро пойдём?

В у к о л (смотрит на часы). Через... через полчаса.

М а с т а к о в (уходя). Пойду оденусь.

С а м о к в а с о в (Зине). Мне это простительно... я иногда не понимаю значения слов... Вот, например, часто встречается слово – фикция. Что такое?

З и н а (устало). Фикция? Это вы.

С а м о к в а с о в. Нет, серьёзно.

З и н а. Серьёзно. Вы.

С а м о к в а с о в. Но... как же я... если женский род?

З и н а (смеётся). Ах... Лена, послушай...

С а м о к в а с о в (вспыхнув). Да... я понимаю, что когда мужчина за сорок ставит детские вопросы... это смешно образованной девушке... в двадцать лет. (Быстро отходит в сторону.)

Е л е н а (задумчиво позванивая ключами). Что такое? (Тихо.) Он, кажется, снова рассердился?

В у к о л. Барышня назвала его фикцией. Его!

З и н а (улыбаясь). Разве это обидно?

Е л е н а (Вуколу, мягко). Надо ли, чтобы он чувствовал себя чужим среди нас?

В у к о л. Ба! Мы с ним друзья почти... Вы уж очень... тонко!

Е л е н а (улыбаясь). А вы не слишком ли просто относитесь к нему?

В у к о л. Это – не я! Это вон кто дразнит его всегда.

(Елена не спеша идёт к Самоквасову.)

В у к о л. Вот, я получил выговор из-за вас. (Зина молчит.) Что, как ваш больной?

З и н а (сердито). Ведь вам неинтересно это?

В у к о л. Почему?

З и н а. Потому, что вы человек холодный, чёрствый.

В у к о л (удивлённо). Вот тебе раз!

З и н а (несколько сконфужена своей выходкой). Вам скучно жить, и вы...

В у к о л. Милое моё дитя! В мои годы всем живётся невесело, но это в порядке вещей, а вот что вам в двадцать лет скучно...

З и н а. Мне не скучно, а у меня устали нервы!

В у к о л. Тоже непохвально.

З и н а (раздражаясь). Вы не понимаете... убить так много сил и два года времени на борьбу за свободу человека, измучить мать, и... и вот он изломан, полумёртв... Испытали ли вы это в двадцать лет?... (Потехин идёт.) Испытали?

В у к о л. Гм...

З и н а (доктору). Ну, что?

П о т е х и н. Спит. Температура упала... Это кто там ходит?

З и н а. Елена и Самоквасов.

П о т е х и н (безразлично). А батька, по обыкновению, злил вас?

З и н а. Я, кажется, была невежлива с ним.

В у к о л (успокоительно). Э, не беспокойтесь этим... нервы у меня не очень чуткие. (Отходя.) Мирон, пора идти!

П о т е х и н (тихо). Отец иногда бывает тяжёл для собеседника.

З и н а. Мне кажется, что все люди играют роли. Он - мизантропа.

П о т е х и н (прислушиваясь к голосу Елены). Фамилия у него весёлая Потехин, а человек он - скучный.

С а м о к в а с о в. Такой жизни я не понимаю!

П о т е х и н (усмехаясь). Однако в старину прозвища не зря давали.

Е л е н а. Немножко доброго внимания друг к другу, и всё станет понятным.

М а с т а к о в (идёт). Ну, что же? Перепела или философия? (Жене.) Иду! Ты не беспокойся!

Е л е н а (удивлена). О чём?

С а м о к в а с о в. Ну-с, пошли!

М а с т а к о в (неловко). Как - о чём? Обо мне, конечно! (Целует руку.) До свиданья!

Е л е н а. До рассвета?

М а с т а к о в. Да.

(Все трое идут направо. Елена, словно смущённая лаской мужа, тихо опускает руку, глядя на неё со странной улыбкой. Потехин, дымя сигарой, следит за игрой её

лица. Задумчиво покачиваясь на стуле, Зина тихонько напевает что-то печальное. (Издали долетает смех Мастакова.)

П о т е х и н. Славная ночь. Тепло как...

Е л е н а. Да. Хорошо.

П о т е х и н (глухо). Я третью ночь сплю на воздухе... на террасе под окном...

Е л е н а. Комары не кусают?

П о т е х и н. Нет. (Вздыхнул, оглянулся.)

(Саша мелькает среди деревьев, всё время следя за Еленой. Её не замечают.)

З и н а (не вставая). Пойду домой. Лень идти. А – надобно...

Е л е н а. Хочешь, мы с доктором проводим тебя?

З и н а (позёвывая). Если вы хотите... не трудно вам...

П о т е х и н (живо, неловко). Что вы! Приятно... мне, конечно...

З и н а. Вот неожиданный взрыв любезности!

П о т е х и н. Какая же тут любезность? Просто спать не хочется.

З и н а (кланяясь). Да? Извините мне ошибку...

Е л е н а (улыбаясь). Бедный доктор, он даже покраснел. А знаете, этот Самоквасов интересный человек... Ему среди нас неловко...

П о т е х и н. У него есть что-то общее с моим отцом.

З и н а (насмешливо). Скучают оба. Ничего не делают и скучают. От скуки думают о сложных вопросах...

Е л е н а. Мы все, Зина, скучные немножко. И всё от скуки думаем.

П о т е х и н. На даче – отдыхают... Отдых сам по себе повеселее занятие.

(Они ушли. Саша убирает посуду со стола, взяла в руки ключи, перчатку, с отвращением швырнула их на стол, побежала вслед за Еленой и кричит.)

С а ш а. Елена Николаевна! На минуту... воротитесь... (Скрывается за деревьями и вскоре выходит вместе с Еленой, говоря ей торопливо, со слезами и обидой в голосе.) Простите меня... я вас люблю, но я лучше уйду... мне тяжело...

Е л е н а (стараясь скрыть тревогу). Что такое? Говорите прямо, Саша... вас обидел кто-то?

С а ш а. Ах, нет... я не знаю, как это сказать... Вы научили меня смотреть на Константина Лукича так хорошо... и вот... я боюсь сказать...

Е л е н а. Меня боитесь?

С а ш а (подбежав к столу, схватила ключи и бросила их к ногам Елены). Видите? Это она... это её ключи... она забыла их здесь...

Е л е н а (глухо). Нет. Неправда. Это я принесла их. Я нашла на дороге...

С а ш а (подавленная, тихо). Всё равно. Она была здесь... они целовались... мне стыдно сказать, что я видела... они...

Е л е н а (прислонясь к дереву, выпрямилась и говорит тихо, с гневом и гордостью). Ступайте прочь! Между мною и моим мужем вы, девчонка... как вы смеете? Ложь!

Чудаки. Максим Горький gorki.ucoz.ru

С а ш а (умоляя). Это не ложь... вы же знаете! Ведь вы знаете!..

Е л е н а. Я ничего не хочу знать... идите!

С а ш а (опустясь на стул, плачет). Господи боже мой... Господи!

Е л е н а (несколько секунд смотрит на неё, подходит и кладёт руку на голову ей). Простите меня, Саша... это я от стыда... от слабости... Я знаю, простите... Мне ударило в голову, и я немного обезумела... Это глупо гордость перед вами...

С а ш а. Что это, господи? Зачем он? Разве она лучше вас? Такой хороший человек...

Е л е н а. Будем молчать об этом... что тут скажешь, что? Как нехорошо, что я обидела вас...

С а ш а. Ах, вы никого не обидели! Вас обидели!

Е л е н а. Мне трудно верить... не хотелось убедиться...

С а ш а. Ведь не могла я не сказать вам...

Е л е н а. Да, милая девочка...

С а ш а (тоскуя). Зачем это он сделал?

Е л е н а. Не будем говорить об этом... Я несколько... растерялась...

С а ш а. Вы – видели! Отчего вы не помешали им?..

Е л е н а. Я? Оставим это, Саша... Не могу говорить... дайте мне воды... и шаль.

(Саша быстро ушла. Елена ходит, как слепая, и говорит тихонько.)

Е л е н а. Ты ведь ждала этого... что же? Ты знала, да...

(Слышен тихий свист – она выпрямилась и сурово смотрит встречу звука. Из-за деревьев выходит Мастаков, быстро подходя к жене, он говорит ласково и радостно.)

М а с т а к о в. Гуляешь? Одна? Чудесно! Давай посидим, я немножко устал. (Елена делает движение в сторону от него, он не замечает.) Я убежал от них, не могу. Один всюду видит злые козни Германии, другой – изнемогает от желания сказать что-то значительное, оригинальное... оба они – маньяки, и – чёрт их побери! (Взял за руку и ведёт жену к скамье, не замечая её слабых сопротивлений.) Шёл полем и думал о тебе...

Е л е н а (тихо). Обо мне? Да?

М а с т а к о в. О том, какая ты хорошая.

Е л е н а. Послушай, не надо...

М а с т а к о в. Почему? Нет, надо! Иногда мне хочется осыпать тебя всеми нежными словами, какие знаю...

Е л е н а (заглядывая в лицо ему, со страхом). Зачем ты говоришь это?

М а с т а к о в. Мне так хочется, и ты не мешай!

Е л е н а (тревожно). Ты хочешь сказать что-то? Да? Подожди... прошу тебя! Или нет – лучше скажи... говори скорее!

М а с т а к о в (играя её пальцами). Конечно, я буду говорить. Я тебя люблю, видишь ли, такой хорошей, спокойной любовью... как мать, люблю я тебя иногда, хотя ты одних лет со мной... Это – странно? Это – правда, Лена!

Е л е н а (готовая к удару). Да... ну, что же?

М а с т а к о в. Сядь, а я лягу и положу голову на колени тебе...

Е л е н а (бессильно опускаясь на скамью). Подожди... я помогу тебе сказать...

М а с т а к о в. Ничего, не беспокойся, мне хорошо. Кто это топает?

(Саша изумлённо останавливается со стаканом воды, в руках.)

Е л е н а. Саша... Дайте, пожалуйста... идите!

М а с т а к о в. Превосходная девушка эта Саша! Изящная, умненькая и точно фарфоровая. Ты прекрасно сделала, поставив её близко к себе... у неё так быстро растёт сознание своего достоинства, – а это драгоценно! Мне хочется говорить ласковые слова всему миру, я чувствую себя страшно богатым... Ты капаешь на лицо мне, Елена, точно слёзы падают...

Е л е н а. Извини...

М а с т а к о в. Да, так я шёл и думал о тебе, вдруг – сложился недурной рассказ. (Смеётся радостно.) Слушай: живёт старуха, она – умная, она видит, что все кругом её – рабы. Но – у неё есть вера в лучшее... смутная вера... и есть у неё комические черты. Её муж – тоже раб. Дочь молчаливая, религиозная, углублённая в себя. В селе является человек с возмущённой душой, какой-то бродяга, бездомный батрак, но – яркий, точно огонь. Он нравится старухе, она видит, что он – не раб, не просто озорник, нет, он – тоскует о чём-то... и она говорит дочери – смотри, к нам пришёл хороший человек. (Мастаков вскочил, сел и смотрит перед собой, жестикулируя; говорит, как в бреду.) Такая прямая старуха, тёмное лицо, высохшая грудь, тонкие губы и немножко зелёные глаза – видишь, какая? Ей кажется, что дети её дочери и этого человека будут настоящими людьми, смелыми и гордыми... Она предлагает бродяге жениться на её дочери. Её муж против, конечно, и этот человек тоже не хочет связывать свою свободу, – не хочет, а девушка задела его душу. Тогда старуха – помолясь богу – пойми это! – разрешает ему и дочери жить не венчаясь. Это я сумею рассказать... да! Ночью она стоит на коленях, умоляя бога возложить на неё грех дочери: "Господи! да не унижится образ твой и подобие твоё да не будет оскорблено в человеке"... не этими словами, Лена, но – эта мысль! Любит бога и не может без скорби и гнева видеть, как в человеке попирается божественное... это я знаю! Эти чувства я знаю! Да... Потом – проступок дочери становится известен отцу – он хочет бить девушку... "не смей! – говорит старуха, здесь я, мать, виновата! Я, мать, не хочу, чтобы дочь моя – моя плоть рождала людей ничтожных... Я – мать!..." Это хорошо, Лена?

Е л е н а (тихо). Да, хорошо.

М а с т а к о в. И – возможно?

Е л е н а (тихо, убеждённо). Да. Нужно, чтобы это было возможно в жизни.

М а с т а к о в. Мать! О ней мало говорят, Лена... позорно мало! Матери Гёте – не поняты. А ведь каждая женщина – мать – почти символ... Я буду много писать о матерях... Ты знаешь, что в твоём отношении ко мне есть материнское? Я это иногда чувствую удивительно ясно и сильно... Иногда ты бываешь слишком серьёзна... это немножко скучно... знаешь ли! Ты мало смеёшься, Лена. Но зато с тобой так спокойно, просто... ах, спасибо, Лена! Тверда и непоколебима земля, по которой ты ходишь...

Е л е н а (задыхаясь от радости и горя). Слушай... ради бога! Ради твоей души – говори мне всегда всю правду... всегда всю правду! Ложь – это такая пошлость... так не идёт к тебе!

М а с т а к о в. Правда? Иногда она такая дрянь... точно летучая мышь, – кружится, кружится над твоей головой, серенькая, противная... Зачем они нужны, эти маленькие правды, чему они служат? Никогда я не понимал их назначения... Ну, вот – моя старуха, – это ложь, скажут мне, уж я знаю, что скажут. Таких старух нет, будут кричать. Но, Лена, сегодня – нет, а завтра – будут... Ты веришь – будут?

Чудаки. Максим Горький gorki.ucoz.ru

Е л е н а. Да. Помоги им быть, и – они будут! Не о той правде я говорила... Может быть, иногда ты не хочешь сказать мне чего-то, жалея меня... Ради красоты, которую ты так любишь, – не жалея меня! Это унижительно...

М а с т а к о в (задушевно). Я тебя не жалею... нет! (Снова ложится на колени её.) Милая моя Лена, сегодня я удивительно близок тебе...

Е л е н а (тревожно). Сегодня? Почему именно сегодня – скажи!

М а с т а к о в (закрыв глаза). Не знаю... Не скажу... Хотя, может быть, догадываюсь... Как славно, живо бьётся твоё сердце...

Е л е н а. Хочешь, я помогу тебе? Скажу за тебя?

М а с т а к о в (сквозь дрему). Подожди... мне хочется молчать... Как это хорошо... тишина... и бьётся хорошее, преданное мне сердце... Думая о тебе... я всегда нахожу что-то новое... новую тему... мысль... удивительно, Лена...

(Он задремал. Саша идёт с белою шалью в руках.)

С а ш а (громко). Простите – я забыла...

Е л е н а (шёпотом). Ш-ш... Спит!..

(Саша, видя его позу, опустила голову.)

Е л е н а (нахмутив брови). Прикройте ему ноги... тихонько... (Улыбаясь невольно.) Смотрите, какое лицо... милое...

(Саша медленно идёт прочь. Елена тихонько покачивает на коленях голову мужа. Потехин выходит с левой стороны, увидел людей на скамье, присмотрелся и, выпрямившись, угрюмо идёт к дому, шаркая ногами.)

Е л е н а (беспокойно). Тише...

(Потехин круто обернулся, точно крикнуть хочет, и, махнув рукой, быстро уходит прочь.)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Вечер. Заходит солнце. У стола под сосной – Е л е н а, перед нею пальцы. З и н а. В а с я – в кресле, укутанный пледом. М а с т а к о в – с рукописью в руках. Прислонясь к дереву, стоит доктор П о т е х и н, он курит. За Еленой – С а ш а, в руках у неё шитьё, она точно прячется, согнулась, иногда смотрит через плечо Елены на Мастакова. Как всегда, лицо у неё печальное, взгляд – укоризненный.

М а с т а к о в (похлопывая рукописью по столу, взволнованный, смотрит на всех по очереди с улыбкой). Ну – судите!

В а с я. Я, как осуждённый, говорю последним. Это моё право.

З и н а (с гримасой). Ой-ой! Как ты весело шутишь! (Мастакову.) Мне очень нравится. Особенно – дочь!

С а ш а (тихонько). А мне – старуха!

М а с т а к о в (рад). Конечно, вы сами – старая ведьма! (Доктору.) Остался – ты! (Наклонив голову.) Руби, злодей!

П о т е х и н (неохотно). Ты знаешь, я плохой ценитель искусств.

М а с т а к о в. Судя по началу – попадёт мне!

П о т е х и н. Сказки меня не волнуют.

Е л е н а (тихо). Почему же – сказки?

М а с т а к о в. Лена – ты молчи, тебе нельзя говорить... Ну, Николай, терзай меня...

П о т е х и н. Не торопи! Я, твой читатель, не торопил писать.

З и н а. Господи, какой мрачный тон!

В а с я. Доктор намерен отнестись к делу серьёзно... (Мастакову.) Очевидно, вы опасно болеете... Чем он болен, уважаемый доктор?

П о т е х и н (усмехаясь). Слабое зрение.

В а с я. Угрожает слепота?

З и н а. Подожди!

П о т е х и н. Знаешь что, Константин, – отец, пожалуй, прав, когда он говорит о вас, литераторах! (Внезапно с горечью, почти со злобой.) Обманываете вы читателей, да, да! Вы не хлеб насущный даёте нам, а сладкие пряники...

В а с я. Вы, кажется, сердитесь, доктор?

П о т е х и н (сильно). Желая возбудить надежды, вы приводите к тяжёлым разочарованиям... однажды вы уже изобразили народ, ожидающий пророков правды и добра... пророки поверили вам и пошли, и были преданы, были убиты!.. Но вы ещё раз сделали это снова, обманули тех, кто верил вам... вместо могучего народа, о котором вы пели, нас встретил старый, тёмный зверь...

З и н а (возмущена). Доктор, вы на границе пошлости!..

В а с я (удерживая её). Подожди... терпение...

П о т е х и н (несколько опомнился, провёл рукою по лицу). Не беспокойтесь... и не грубите! Я ведь предупредил – это не моё мнение... это мнение отца.

В а с я. Однако вы с такой силой излагаете чужие мнения... интересно бы слышать ваши!

П о т е х и н (угрюмо). У меня нет своих мнений... я не хочу скрывать этого, как теперь делают многие. Я не умею выдумывать наскоро... Мне надоели комедии с переодеваниями нигилистов в фанатиков и фанатиков в нигилистов.

В а с я. Как англичанин анекдота – вы не настолько богаты, чтобы шить своё платье у плохого портного?.. Похвально!

З и н а (Елене). Беседа принимает несколько истерический характер.

(Елена останавливает её взглядом.)

М а с т а к о в (подавлен). Первый раз вижу тебя таким... что с тобой?

П о т е х и н. Надоело мне всё! Не хочу никакой лжи... никаких утешений и обманов! Не хочу и того, что так весело и беззаботно возвещаешь ты, Константин... не верю в эту твою сказку о матери...

С а ш а (пугливо). Ой, господи... как это можно!

В а с я (насмешливо). Это вы от себя уже говорите?

П о т е х и н (тяжело). Да, это говорю я, Николай Потехин! (Он вдруг взглянул на Елену – согнувшись над пальцами, она спокойно вышивает. Ему точно ушибло голову, он приподнял плечи и – пошёл прочь, говоря.) Если грубо вышло... извините... я ведь этого не хотел.

В а с я (усмехаясь). Увы... Разваливается колосс на глиняных ногах... эх, родина моя!

Чудаки. Максим Горький gorki.ucoz.ru

Е л е н а (взглянув на него, потом на мужа). Знаете, чьё мнение здесь ценнее всего? Сашино!

С а ш а (прячется). Ну, что это...

Е л е н а. Она выросла в той среде, о которой сейчас рассказано нам...

В а с я (Зине, негромко). Рассказ из быта готтентотов может оценить только готтентот.

З и н а (протяжно). Не надо-о!

В а с я. Шатобриан посылал рукопись Аталы индейцам, и только когда они сказали ему: всё верно! – решился напечатать книгу.

М а с т а к о в (ласково и мягко). Разве я лгу? Я? Никогда!

Е л е н а. Нужно ли объяснять?

М а с т а к о в. Мне просто до боли жалко людей, которые не видят в жизни хорошего, красивого, не верят в завтрашний день... Я ведь вижу грязь, пошлость, жестокость, вижу глупость людей, – всё это не нужно мне! Это возбуждает у меня отвращение... но – я же не сатирик! Есть ещё что-то робкие побегии нового, истинно человеческого, красивого, – это мне дорого, близко... имею я право указать людям на то, что люблю, во что верю? Разве это ложь?

В а с я (улыбаясь, поучительно). Ну, да, это обычная ваша мысль... вы часто говорите об этом. Но – вы забываете, что есть нечто неотразимое... пред ним всё наше человеческое, и доброе и злое, – ничтожно, осуждено на гибель.

М а с т а к о в. Боже мой... надоели мне эти слова!

В а с я (иронически). Надоели? Не более того?

М а с т а к о в. Вам известен обычай омыватъ тело покойника? Давайте омоемся от пошлости и лени при жизни! Пусть всё человечество в свой последний час предстанет гибели чистым и прекрасным... пусть оно погибнет с мужественной простотой, с улыбкой!

В а с я. О романтизм! Не всё ли мне равно – как умереть?

М а с т а к о в (уныло). Да? Всё равно вам?

Е л е н а (спокойно). Разве не лучше умереть красиво?

В а с я. Я не романтик. Нет.

З и н а (почти с отчаянием). Да оставьте вы этот похоронный разговор! Только что слышали такой задушевный рассказ... право, стыдно перед автором!

В а с я. Писателей не стыдятся. Писатель должен быть мужествен... особенно когда он проповедует... весёлый стоицизм! (Смеётся.) Каково словцо?

(Самоквасов идёт с букетом цветов; видя Васю, остановился, хмурится, дёргает себя за ус.)

Е л е н а (живо). Добро пожаловать!

С а м о к в а с о в. Моё почтение... (Делит букет, цветы падают на землю.) Позвольте предложить вам... и вам... (Сконфузился.) Становлюсь стар и неловок...

(Мастаков встал, отошёл в сторону и, глядя в небо, тихо посвистывает. Вася тоже встал и уходит прочь. Самоквасов, видя это, ещё более теряется.)

Е л е н а. Саша, поставьте в воду, пожалуйста.

З и н а (идёт вслед за Васей). Спасибо вам! Чудесные цветы. (Васе.) Тебе нравятся ирисы?

В а с я (тихо). Мне нравится отставной полицейский. Он влюбился в тебя – ты понимаешь?

З и н а. Василий! Зачем ты это говоришь?

В а с я. Он наверное сделает тебе предложение...

З и н а. Перестань!

В а с я. И когда я умру... ты выйдешь за него замуж...

(Они уходят. Елена всё время что-то говорит Самоквасову с доброй улыбкой, оживлённо.)

С а м о к в а с о в. Да... но, видите ли...

Е л е н а (громче). Вы преувеличиваете! Люди гораздо более глупы, некультурны, чем злы...

С а м о к в а с о в. Я всё-таки прожил сорок лет, и обидно, когда люди, ещё не жившие, третируют тебя...

М е д в е д е в а (идёт). Добрый вечер! А где же мои?

Е л е н а (оглядываясь). Тут где-то.

М е д в е д е в а (садясь). Пора бы домой! Ему запрещено гулять после заката, а он нарочно ходит.

С а м о к в а с о в (крякнув). Гм... Почему же нарочно?

М е д в е д е в а. Да уж так... вижу я эту игру! (Грозит пальцем.) Я простая женщина, а всё вижу...

М а с т а к о в (подходя к ней). А вы не сердитесь... Ведь вы добрейшая душа!

М е д в е д е в а. Не могу, батюшка! Мать я, и у меня погибает дочь... да! Вы – милый человек, хороший вы человек, ну а материнское – вам неизвестно и непонятно. Мук моих вы не знаете, слёз не видите, думушки мои бесконечные неизвестны вам... Сына потеряла, теперь – дочь теряю... каково это?

(Самоквасов мрачно нахмурился и отходит прочь.)

М а с т а к о в. Дочь теряете? Почему же?

М е д в е д е в а (грубовато). Да что вы – не видите, как она измоталась, устала, изнервилась вся? Ночами – не спит, плачет... А он ей всё о смерти, всё о том, что вот он, молодой, умирает, а она будет жить...

М а с т а к о в (удивлённо). Он? А я думал – он... не так...

М е д в е д е в а. Разве такая она была? Спокойная, крепкая, весёлая! Бывало – целый день смеётся, поёт...

М а с т а к о в. Мне казалось, что у него очень развито чувство человеческого достоинства и он... не станет...

М е д в е д е в а. Не станет! Как же! Эдакий-то самолюб да стеснялся бы? Он же первое лицо на свете... ведь из его речей выходит, что когда он помрёт – и мир весь помереть должен, и солнце погаснет... вишь какой лакомый! Да ещё целует её иной раз, о господи! Вдруг заразит, а? Ведь это что же? За что?

С а м о к в а с о в (рычит). Это... я вам скажу... это уж я не знаю...

М е д в е д е в а. Ну, батюшка, тоже и все вы, мужинки, хороши...

Е л е н а (предостерегая). Не слишком ли жёстко говорите вы? (Указывает глазами

на Самоквасова.)

М е д в е д е в а (изменяя тон). Да. Забылась, пожалуй. Мать! Не за себя ожесточаюсь – за дочь... мне что себя жалеть? А дитя своё я обязана хранить... и больно мне видеть, как отравляют душу её смертной тоской... да!

С а м о к в а с о в (Мастакову). Вот положение, а? Вот – как тут, что вы скажете? (Взволнованно отходит прочь.)

М а с т а к о в (негромко). Не смеет умирающий тащить в свою могилу живого...

С а м о к в а с о в. А вот видите – тащит! Ненавижу я этого Васю. Иронический он человек, но – ничтожный!

М е д в е д е в а. Водички бы мне, что ли...

С а ш а (из-за деревьев). Сейчас!

М е д в е д е в а. Сердце горит. О, господи... милосердный господь наш!.. Сохрани и помилуй юность... одари её радостями от щедрот твоих!

(Все замолчали, поникли. Саша приносит воду. С террасы, позёывая, идёт Вукол Потехин.)

В у к о л (подходя). Я спал – одиннадцать часов подряд! Лёг – в восемь, встал в семь. (Оглядывает всех.) Я думал, вы чай пьёте. (Медведевой.) Почему, премудрая, у вас такое свирепое лицо?

М е д в е д е в а (встаёт). Да так... Пришла к чужим людям, нажаловалась, наскрипела... Простите... пойду домой.

Е л е н а. Посидите с нами!

В у к о л. Эге, да все вы чего-то... не в духе как бы?

М е д в е д е в а (покорно). Нет, пойду... Зина одна там...

В у к о л. А жених где же? (Ему не отвечают. Самоквасов смотрит на него сердито.) Ничего не понимаю! Заспался. (Самоквасову.) Тебе, Мирон, я чувствую, хочется пива выпить холодного.

С а м о к в а с о в. Мне? (Решительно.) Да, идём... мне очень хочется... вообще... (Быстро уходит.)

В у к о л (идя за ним). Стой! Куда ты?

Е л е н а (Медведевой). Посидите с нами, а?

М е д в е д е в а. Точит он её там... нет, я пойду! Вы простите... может, нехорошо говорила я...

Е л е н а. Не мы будем осуждать вас за это.

М е д в е д е в а. Ой, родная вы моя, тяжело бабой быть! Вы ещё не знаете этого, у вас вон дитя взрослое (кивает на Мастакова), а вот, погодите, когда народится много, да начнутся их юные годы...

(Ушли. Мастаков, посвистывая, смотрит на часы. Возвращается Елена.)

М а с т а к о в. Какая симпатичная старуха-то, а?

Е л е н а. Очень. Русская.

М а с т а к о в (оглянулся, тихо). Лена, как ты думаешь, могла бы она, из любви к дочери, к юной жизни, – совершить преступление? Возможно ведь, а?

Е л е н а (улыбаясь). Думаю – возможно.

Чудаки. Максим Горький gorki.ucoz.ru

М а с т а к о в (горячо). Великолепно! Ах, Лена, как это великолепно! Нет ничего лучше возможностей, и нет им границ, а?

Е л е н а. Я не думаю, чтобы именно она могла – пойми! Но – бывало, что матери делали преступления ради счастья детей, – ты это знаешь!

М а с т а к о в (задумчиво). Но... мне хотелось бы, чтоб и она могла... например – дать яду этому Васе. Она такая славная! Вот тема, а? Только матери умеют думать о будущем – ведь это они родят его в детях своих... (Задумался.) Что такое? Да, мне надо идти...

(Елена взглянула в лицо ему и идёт к дому. Он хмуро смотрит вслед ей.)

М а с т а к о в (вполголоса, неохотно). Ты не хочешь спросить, куда я иду?

Е л е н а (не оборачиваясь). Нет. Зачем? Ты сам сказал бы, если это нужно знать мне.

М а с т а к о в. Я? Сказал бы?... Подожди минутки две.

Е л е н а (возвращаясь). Ни больше ни меньше?

М а с т а к о в (уныло). Знаешь – я разорву этот рассказ, а? Он плох.

Е л е н а (с оттенком строгости). Почему плох?

М а с т а к о в. Да вот... скажут – фантазия, выдумка... неправда, скажут! Зачем я читал им? Какие тяжёлые люди!.. Николай чем-то заряжен...

Е л е н а (подошла близко к нему, говорит сдержанно, с большой силой). Что тебе мнение этих людей? Это люди, не добытые судьбой, они осуждены на гибель своей духовной нищетой, своим неверием, – что тебе до них? Изучай их, и пусть они будут для тебя тёмным фоном, на котором ярче вспыхнет огонь твоей души, блеск твоей фантазии! Ты должен знать, что они тебя не услышат, не поймут – никогда, как мёртвые не слышат ничего живого. И не жди их похвал, они похвалят только того, кто затратит своё сердце на жалость к ним... любить их нельзя!

М а с т а к о в (обняв её, заглядывает в глаза ей). Когда, Лена, ты говоришь так... ты, добрая и нежная... мне даже немного боязно... Откуда у тебя эта... эта сила, Лена?

Е л е н а. Из той веры в будущее, которую ты внушил мне.

М а с т а к о в (радостно). Я? Это правда? Значит – я могу передать другим мою веру?

Е л е н а. О, да!

М а с т а к о в. Это меня... радует! (Оглядывается и – тихо.) Знаешь иногда мне кажется, что вся Россия – страна недобитых людей... вся!

Е л е н а (тревожно, с укором). Что ты говоришь? Стыдись! Это – не твоё!

М а с т а к о в (снова смотрит в глаза её). Да-а... ты – веруешь! Без колебаний!.. И я тоже могу так... Но – не всегда... Порой я живу в плену этих впечатлений и пока не одолею их – теряю себя, не вижу, где я, что отличает меня от этих людей. (Обнял её за плечи и тихо идёт.) Они входят в душу мне, точно в пустую комнату, соряют там какими-то увядшими словами и маленькими мыслями, тяжёлыми, точно камни... Я начинаю чувствовать осень в груди – и ничего, никого не люблю! Осень – это красиво, ярко, да...

Е л е н а. Но это – не твоё!

М а с т а к о в (оглядываясь). Нет, не моё, Лена... Знаешь – мы плохо устроились, дёшево, но – плохо! Живём, точно на улице... Глухо, никто не приезжает к нам... уже больше двух недель я не видел ни одного литератора... (За деревьями появляется доктор.) Только ты одна... ты, моя умница...

(С а ш а идёт.)

Е л е н а (нерешительно). Хочешь – уедем?

М а с т а к о в. Куда? И где у нас деньги?

С а ш а. Вам записка.

М а с т а к о в (смущён, ворчит). О, злая фея!

С а ш а (уходя, тихо). Я – не злая.

М а с т а к о в (вертит в руках конверт. Елена не смотрит на него. Он – грустно). Да... Лена... вот...

Е л е н а (поспешно, точно не желая слушать мужа). Это вы, доктор?

П о т е х и н (выходя). Я. Не помешал?

Е л е н а. О, нет! Чему же?

М а с т а к о в (комически). Чему ты можешь помещать, почтенный друг? (Суёт конверт в карман и роняет его на землю. Потехин видит это, надвигается вперёд, желая, чтобы Мастаков отступил перед ним.)

П о т е х и н. Я, собственно, очень угнетён.

М а с т а к о в. Судя по лицу – ты не преувеличиваешь.

П о т е х и н. Давеча я тут говорил... Всё это можно было сказать иным тоном, конечно. Мне будет тяжело, если ты подумаешь... что я враждебно настроен против тебя как личности...

Е л е н а (усмехаясь). Полноте, доктор! Может ли он...

М а с т а к о в. Прошу не мешать оратору!

П о т е х и н. Да. Так вот. Я, собственно говоря, всё сказал. Ты, пожалуйста, не думай...

М а с т а к о в. Не могу. Я всегда думаю. Профессиональная привычка, друг мой.

П о т е х и н (угрюмо). Очень рад, что ты шутишь.

М а с т а к о в (отступая и кланяясь). Лорд! Я вижу радость вашу и наслаждаюсь ею.

П о т е х и н (наступив ногой на конверт, улыбается). Чудак ты всё-таки!

М а с т а к о в. Да, всё-таки... (Задумался, отирает платком лицо.) Всё-таки... странное слово, а? Лена... я пойду... Хочешь со мной?

Е л е н а (твёрдо). Нет.

М а с т а к о в. Почему?

Е л е н а. Мне нужно сходить к Медведевым.

М а с т а к о в (опустив глаза). Может быть, я зайду к Ольге Владимировне... хочешь?

Е л е н а. Нет.

М а с т а к о в (кашлянул). Ну, твоя воля!

(Идёт не торопясь, точно ожидая, что его остановят. Елена смотрит вслед ему. Потехин поднял конверт, взглянул, и лицо его расплылось в широкую улыбку.)

Е л е н а (взглянув на него). Чему это вы рады?

П о т е х и н (взмахивая рукой). А вот... (Не решился сказать.) Сейчас придут отец, Медведева, Самоквасов – будем играть в карты.

Е л е н а (уходя). А...

П о т е х и н. Послушайте...

Е л е н а. Что?

П о т е х и н. Вы часто встречали людей, которые не лгут?

Е л е н а. Нет, не часто. (Присматривается к его руке.)

П о т е х и н. А как вы думаете – Константин...

Е л е н а (сухо). Простите, что это за письмо у вас?

П о т е х и н (протягивая ей конверт). Я поднял здесь... это ему адресовано...

Е л е н а (взяла письмо). Да? Вы при нём подняли?

П о т е х и н (смущён). Да... то есть... нет... он ушёл уже...

Е л е н а. Почерк, кажется, Ольги Владимировны. (Зовёт.) Саша! Едва ли это что-нибудь важное...

П о т е х и н (угрюмо). Не знаю... как я могу знать? Прочитайте...

(Саша идёт.)

Е л е н а (ласково). Саша, голубчик, догоните мужа и отдайте ему это... он потерял, забыв прочитать.

(Саша бежит. Елена уходит, не взглянув на доктора.)

П о т е х и н (грозит вслед ей пальцем и шепчет). Дура... Подожди ты! Благородные комедии, а-а? Подожди, заплачешь!

(Идут Вукол и Самоквасов, оба выпивши.)

В у к о л. Если ты мечтаешь поймать хорошего перепела...

С а м о к в а с о в (добродушно). Это ты переп`ил...

В у к о л. Нет, слушай... Для этого нужна превосходнейшая самка... а у тебя она – безголосая дрянь. Это противоречит...

С а м о к в а с о в. У тебя всё всему противоречит.

В у к о л. Это, брат, и забавно! Это и любопытно! Ты подумай – люди мучились, стараясь спрятать все углы, скрыть все шероховатости... вдруг родился Вукол Потехин, посмотрел и говорит...

С а м о к в а с о в. Ерунду...

В у к о л. Нет! Посмотрел, всё обнажил, всё раскрыл и говорит – это обман! Это – нас унижающий обман!

П о т е х и н (резко). Я не буду играть в карты.

С а м о к в а с о в. Почему же?

П о т е х и н. Голова разболелась.

(Уходит. Вукол и Самоквасов молча смотрят друг на друга.)

Чудаки. Максим Горький gorki.ucoz.ru

С а м о к в а с о в (обижен). Как хочешь, а – это неделикатно! Сам же пригласил... сейчас придёт М е д в е д е в а... ты пойдёшь, скажи ему, что это нехорошо!

В у к о л (неохотно идёт). Он упрям.

С а м о к в а с о в. Он вообще... плохой партнер!

В у к о л (ворчит). Голова болит... в тридцать лет...

(Самоковасов снял фуражку, отдувается, оттирает платком лицо. Идёт Саша.)

С а м о к в а с о в. Куда вы, ласточка?

С а ш а. К Медведевым.

С а м о к в а с о в. Скажите старой барыне, что партия не состоится... Да вот они идут! (Оправляется, молодцевато идёт навстречу.) А знаете, Матрёна Ивановна...

М е д в е д е в а (слушая, что шепчет ей Саша, идёт в дом). Сейчас, батюшка... подождите!

С а м о к в а с о в (Зине). Почему такая озабоченность? Что-нибудь случилось?

З и н а (скучно). Какое у вас смешное лицо!

С а м о к в а с о в. С-смешное-с? Мне кажется... у всех мужчин за сорок лет смешные лица... да-с!

З и н а. Да? Я не знала этого... Вы не обижайтесь!

С а м о к в а с о в. Эх... как вы говорите со мной!

З и н а. Как?

С а м о к в а с о в. Сверху... с некоторой недостижимой высоты... А я... а я, когда ваша мама рассказывала о том, как этот Турицын мучает вас...

З и н а (изумлена). Что такое? Мама... вам?

С а м о к в а с о в (испугался, обижен, рубит с плеча). Отравляет вас, прекрасную, смертной тоской...

З и н а (возмущена). Как вы... смеете... кто вам позволил? Вы просто дикарь... или – полоумный!.. (Присматривается к нему и говорит мягче.) Что с вами? Зачем вы это сказали?

С а м о к в а с о в (тяжело отодвигаясь, бормочет). Простите... Конечно – я не имею права... тёмная личность... и так далее...

З и н а (негромко). Не потому... а это жестоко... это гадко – говорить так о больном...

С а м о к в а с о в. Ваша мама говорила... Позвольте мне объяснить... Я – не злой, я не гадкий человек, я просто – русский человек, несчастный человек! Не знаю меры добра и зла... ничего не знаю... разбросал лучшие силы души и – вот, никуда не пойдёшь... дурацкая жизнь! Очень стыдно, поверьте слову! Вот – познакомился с вашим кругом... жизнь чистая, серьёзная... добрые намерения и бескорыстный интерес к людям... Это новое для меня, человеческое... освежает душу... И – вдруг вижу, что вы приносите себя в жертву...

З и н а (строго). Я не позволяю вам говорить так!

С а м о к в а с о в. Выслушайте меня, ради создателя! Я видел множество бесполезных жертв...

З и н а (более мягко). Поймите меня – не могу я, не буду слушать, если вы... Что

вы хотите сказать?

С а м о к в а с о в. Уйдёте отсюда... дайте мне несколько добрых минут! (Зина согласно кивает головой, она очень заинтересована и слушает его с большим вниманием.) Я – вдвое старше вас, знаю жизнь и хочу сказать вам – цените себя дороже! У нас так мало честных, здоровых людей... людей хорошей крови...

В у к о л (выходя на террасу). Мирон!.. Полицейский!..

С а м о к в а с о в (уходя). Сейчас, подожди...

В у к о л (ворчит). Ну... теперь этот сбежал! Чёрт вас побери!

О л ь г а (выходит справа, очень возбуждена, старается скрыть это). На кого это вы рычите?

В у к о л (игриво). Прекрасная соседка – я не видел вас лет шестьдесят и...

О л ь г а. И? Не вышло комплимента!

В у к о л. Вы не дали кончить. Рычу, потому что озабочен не хуже любого министра – партии не могу составить.

О л ь г а. В преферанс? Вы превосходно шутите – оригинально, тонко... Ваши дома?

В у к о л. Кто именно? Сын?

О л ь г а. И другие.

В у к о л. Не знаю. Сын дома. Голова у него болит... это молодёжь! Все другие, кажется, в разброде.

О л ь г а. И писатель?

В у к о л. Этот всегда в разброде!

О л ь г а. Bravo! Вы растёте, серьёзно! Становитесь всё остроумнее. (Она видит Мастакова в левой стороне за деревьями, Вукол не замечает его.) Попросите, пожалуйста, доктора... пусть он даст мне... книгу, которую взял у меня... пожалуйста!

В у к о л (уходя). Готов служить... всегда готов.

(Ольга знаками зовёт к себе Мастакова. На террасу выходит Елена и М е д в е д е в а, им не видно Ольги за углом и деревьями.)

М е д в е д е в а. Как подумаешь о наших, бабьих делах – сердце замирает!

Е л е н а (видит мужа, не может скрыть радость). Ты уже... воротился?

М а с т а к о в (медленно проходя мимо). Да... то есть – нет ещё... Я похожу.

Е л е н а. Хочешь чаю?

М а с т а к о в. Нет.

О л ь г а (шепчет). Почему ты так долго? И такой скучный – почему?

М а с т а к о в (беспокойно). Идёмте...

О л ь г а. На вы? Что это значит?

М а с т а к о в. Мне трудно... я несколько устал.

О л ь г а. Да? Только?

(Уходят.)

Чудаки. Максим Горький gorki.ucoz.ru

П о т е х и н (выходит на террасу, видит Елену, Ольгу и Мастакова, уходящих вправо, и громко, торжественно говорит). Какую книгу спрашиваете вы, Ольга Владимировна? Я не брал у вас книг. Может быть, это ты брал, Константин? (Взглянул в сторону Елены и ушёл, спрятав голову в плечи.)

Е л е н а (судорожно оправляя платок на груди). Какой неприятный голос... у доктора!

М е д в е д е в а. Ох, не люблю я этих семинаристов! Грубияны, зазнайки...

Е л е н а (с преувеличенным интересом). Разве он семинарист?

М е д в е д е в а. Он ведь у дяди воспитывался, у попа. Землемер-то смолоду в ссылке был, далеко где-то, в Сибири...

Е л е н а (прислушиваясь). Вот как? (Остановилась.) Вам не кажется...

М е д в е д е в а. Что?

Е л е н а (прижимаясь к ней). Смеются? Кто-то смеётся...

М е д в е д е в а (не сразу). Нет, не слышу будто. Кому бы тут смеяться? Только Ольга Владимировна и умеет...

Е л е н а. Да?

М е д в е д е в а. Приятная женщина, право! Злая как будто, а приятная...

Е л е н а. Чем же приятная?

М е д в е д е в а. Да вот - весёлая. Лёгкая. Даже наш жених, когда она придёт, зубы свои зелёные оскаливает. Пытался было грусть на неё нагнать знаете ли, говорит, что все мы, люди, на смерть осуждены? А она - ни за что, говорит, не помру раньше срока...

Е л е н а. Она... не очень легкомысленна?

М е д в е д е в а. Есть это в ней. Да ведь тяжёлые-то мысли, серьёзные-то, не всякой бабе по сердцу. А так она ничего, умная. Своего не упустит... И мужчине цену знает!

(Зина устало выходит с левой стороны, бросается в кресло, смотрит на мать и Елену, криво улыбаясь.)

М е д в е д е в а (тревожно). Что ты? Что ты какая, бог с тобой?

З и н а. Устала...

М е д в е д е в а. Ох, уьёт он тебя!..

З и н а. Не он, мама! И вы... совершенно напрасно кричите о нём при чужих людях! Лена, поздравь меня, я победила сердце Самоквасова.

Е л е н а (искренно). Ой... несчастный!

М е д в е д е в а. Ну, уж я скажу - даже этот и то лучше... хоть здоровый!

З и н а. И - деньги есть, мама! Ты подумай! Не знаю, Лена, кто более несчастен, он или я. Как он удивительно говорил... Стоял на коленях... предлагая деньги, чтобы отправить Васю на юг. С доктором, сестрой милосердия... И плакал, точно ребёнок...

М е д в е д е в а (ворчит). Они все мальчишки, когда любят. Знакомо! Ты что же ему сказала?

З и н а (мечется). Мама! Можно ли спрашивать?

(Тяжёлое молчание.)

Е л е н а (задумчиво). Он очень несчастный человек... однажды он рассказал мне свою жизнь... даже страшно было слушать! Добрый – а делал ужасные вещи... жил, точно во сне. Иногда – просыпался, ненавидел себя и снова делал гадости. О женщинах говорит так задушевно, с уважением, а – жил с ними, как зверь... Странные люди... безвольные, бесформенные... когда же они исчезнут?

М е д в е д е в а. Вот, Лена, и ты говоришь, как я! Душат они!

З и н а (тоскуя). Дорогие мои, милые мои – что же делать? (Со страхом, понижая голос до шёпота.) Ведь я не люблю Васю... разлюбила я его...

М е д в е д е в а (благодарно). Слава тебе господи!

З и н а. Молчи, мама! Это – плохо... ты не понимаешь!

Е л е н а (сухо). Это понятно.

З и н а. Мне его жалко... нестерпимо жалко! Но я – не могу... эти холодные, липкие руки... запах... мне трудно дышать, слышать его голос... его мёртвые, злые слова... Лена – это ужасно: жалеть и – не любить, это бесчестно... оскорбительно!.. Он говорит... и точно это не он уже... говорит злые пошлости... Он ненавидит всех, кто остаётся жить... Что он говорит иногда, боже мой! И это тот, кого я любила! (Плачет.) Я уже не могу... Я вздрагиваю, когда он касается меня рукой... мне противно!

М е д в е д е в а. Дочка моя... и мне его жалко... да тебе-то, тебе-то жить надобно!

З и н а. Ах, боже мой, боже мой... как хорошо было любить... как хорошо, когда любишь!..

Е л е н а (наклоняется к ней, сдерживая рыдания). Да... когда любишь... когда мы любим – нас нет...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Дом подвинут ближе к зрителю. Серый, облачный вечер. На террасе, в плетёном с высокой спинкой кресле, сидит, читая книгу, В у к о л П о т е х и н. Ноги его – на сиденье другого кресла. Сквозь окно, закрытое марлей, видно доктора – он ходит по комнате и курит.

В у к о л (подняв голову, шевелит губами, зевает). Николай!

П о т е х и н. А?

В у к о л. Что такое фатализм?

П о т е х и н (скучно). Фатализм... ну – фатум... рок...

В у к о л. Что ты мне слова говоришь? Слова я сам знаю всё... ты понятие обнажи!

П о т е х и н. Отстань, пожалуйста! Что чудишь? Скучно!

В у к о л. Это, брат, не чудачество, а старость. (Помолчав.) Тебе нравится Савонарола, а?

П о т е х и н. Кто?

В у к о л. Савонарола!

П о т е х и н. Нет. Не нравится.

В у к о л (вдумчиво). Почему?

П о т е х и н. Да... чёрт его знает!

В у к о л (удовлетворенно). И мне не нравится. Впрочем – я мало читал о нём. А ты?

П о т е х и н. Ничего не читал.

В у к о л. Да... Вообще ты мало читаешь. Непохвально... (Повёртывая книгу в руках.) Странная вещь – книга... Беспокойная вещь. Вот – Шиллер. В юности я его любил. А теперь взял... вспомнил твою мать. Мы вместе с нею читали "Песнь о колоколе"... она тогда была ещё невестой моей. Мы были красные с нею, думали о судьбах человечества... и – кричали. Ты тоже, лет пять тому назад, кричал на всех... и на меня кричал. (Удовлетворённо.) А вот теперь – молчишь. Выдохся, выкричался, брат! Почему так быстро, а? (Потехин выходит из комнаты со шляпой в руках.) Ты куда?

П о т е х и н. К больному. К Турицыну.

В у к о л. И я с тобой. А то – скучно мне одному... Полицейский мой что-то увял...

П о т е х и н. Он идёт сюда.

В у к о л. А-а... Ну, тогда я останусь. (Потехин недоверчиво смотрит на отца и возвращается в комнату. Вукол, усмехаясь, смотрит вслед ему.) Так! Конечно... понятно... Что, полиция? Какие козни затеяны немцами против нас?

С а м о к в а с о в (отмахнулся). Э, бог с ними!

В у к о л. Кончено с Германией? Быстро! Кого ж ты теперь ругать будешь? До девятьсот пятого года ругал правительство – бросил, потом революционеров стал ругать -- бросил, немцев начал поносить – и это кончено! Кого ж теперь, чем жить будешь?

С а м о к в а с о в (уныло). Сам себя ругать буду...

В у к о л. Безобидное дело – не утомляет. Просто – и не обязывает ни к чему.

С а м о к в а с о в. Осёл я, кажется...

В у к о л. Уже начинаешь? (Поучительно.) Заметь однако, что ослы оклеветаны, – это очень неглупое и полезное животное, осёл...

С а м о к в а с о в (заглядывая в окно). Рассказал бы я тебе историю...

В у к о л. Расскажи... Садись-ка!

С а м о к в а с о в (тихо). Пойдём куда-нибудь.

В у к о л. Можно. Хотя мне будет сопутствовать ревматизм... точит он меня!

С а м о к в а с о в (на ходу). А меня стыд... И тоска.

В у к о л (прихрамывая). Тоска? Это наша историческая подруга, а стыд – ты, брат, выдумал. Фантазия! Когда же мы стыдились? Сказано – "стыд не дым, глаза не ест" – и все верят этому.

(Идёт Елена, на голове цветной шёлковый шарф, в руках зонт. Молча кланяется)

В у к о л. Привет! Что с вами? Нездоровится?

Е л е н а. Почему? Нет, я здорова.

В у к о л. А личико – бледное, и глазки эдакие...

Е л е н а (оправляясь, улыбнулась). Вам кажется...

В у к о л. Рад, что ошибся. Приятные ошибки столь же редки, как весёлые люди.

С а м о к в а с о в. Ну, и болтаешь ты сегодня!

В у к о л. Ревматизм понуждает к философии... это, брат, неодолимо! Здоровому человеку философствовать нет причин...

П о т е х и н (вышел из комнаты, догоняет Елену). На минутку... пожалуйста! (Елена молча, вопросительно смотрит на него.) Мне необходимо... я буду краток... два вопроса... Войдёте ко мне, прошу вас!

Е л е н а. У вас так тяжело пахнет сигарами.

П о т е х и н. Сигарами? Хорошо... всё равно...

Е л е н а. Чем вы так взволнованы?

П о т е х и н (тихо). Я? Послушайте... ведь вам известно?..

Е л е н а (сухо). Да, известно.

П о т е х и н. Что он изменил вам...

Е л е н а. Я сказала - известно!

П о т е х и н. Вы - спокойны? Что же вы думаете делать? Неужели это не оскорбляет вас? Вас - гордую? (Задыхается.)

Е л е н а (с лёгкой усмешкой). Вот сколько вопросов! Я не хочу знать почему вы спрашиваете... но я вам отвечу... может быть, это успокоит вас. Я отвечу вам ещё потому, что вы, в своё время, относились к мужу дружески.

П о т е х и н. Я и сейчас...

Е л е н а. Оставьте... Вы знаете, что я его люблю.

П о т е х и н. Не понимаю... не могу понять...

Е л е н а (мягко). Это - ваша печаль. Так вот, я его люблю... вы не забывайте об этом!

П о т е х и н (грубовато). А он вас топчет в грязь... с первой же красивой и доступной...

Е л е н а (бледнея, строго). Мой муж не полюбит дурную женщину.

П о т е х и н. О, чёрт возьми! Вы сумасшедшая, что ли?

Е л е н а. Если вы позволите себе продолжать в этом тоне...

П о т е х и н. Нет... я молчу! Но - объясните же мне! Я человек... я вас люблю, я имею право просить...

Е л е н а. Я говорила уже вам: работа мужа важнее и ценнее моего счастья женщины, моей любви и жизни моей. Не улыбайтесь. Вы сами высоко ставили его... ещё не так давно... когда - извините, я скажу прямо, - когда вы не увлекались мною и вообще были более цельным человеком.

П о т е х и н. Это я разбился о ваше каменное сердце...

Е л е н а. Ох... какие жестокие фразы! Вот что - на эту тему я говорю в последний раз с вами... я просила бы вас понять меня! Я теряю Константина... может быть... но я знаю себе цену, чувствую себя человеком, нужным ему... нужным просто, как человек! (Тепло и убедительно.) Я люблю весь строй его дум и чувств... его живую душу люблю... когда он говорит о презрении к страданиям, о силе человека и красоте жизни, я - люблюсь им и готова молиться: господи, благослови путь мужа радости и победы! Я знаю жизнь больше, чем вы, и горя видела больше... но я научилась презирать горе, понимаю его ничтожность...

П о т е х и н. Слова... его слова! Не верю... чужие слова!

Е л е н а. Его слова – не чужие мне... Я знаю, как привычно горе и любимо нами, – да, любимо, потому что делает нас значительнее в своих глазах... (С тревогой.) И когда мне кажется, что к нему подходит, его хочет коснуться горе, – я боюсь! Он – хрупкий... он неустойчив...

П о т е х и н (возмущённо). Всё это – фантазии! Выдумали вы человека и стали рабыней его. Вы создали идола, хозяина вашей души... Вам просто скучно с ним, он глупее вас... вы создаёте для себя, для развлечения – роль жертвы!

Е л е н а (снисходительно). Я повторяю вам ваши слова о нём – три года тому назад вы сказали: "Когда я вижу, слушаю его – я молодею, всему верю, жизнь кажется мне лёгкой и простой". Вы говорили это?

П о т е х и н. Ошибался... как вы теперь...

Е л е н а. А однажды вы предупреждали меня: "Дорогой друг, старайтесь как можно меньше стеснять его свободу, он до могилы останется юношей!" Вот ваш совет... совет друга и честного человека. Где этот человек?

П о т е х и н. Вы его смертельно ранили и теперь добиваете.

Е л е н а (усмехаясь). Откуда у вас такие слова? (Задумчиво.) Мало мы понимаем друг друга. Сейчас, говоря с вами, я, мне кажется, говорю женщинам... может быть, хочу немножко оправдать себя перед ними... хочу сказать им, что в моём поведении я не чувствую ничего, унижающего человека... хотя это трудно для женщины... Что ж? Да – трудно! И ещё мне хочется сказать, как надо беречь и любить хорошего, честного мужчину...

П о т е х и н (бешено). Который смеётся над вами!..

Е л е н а. Нет. Этого он не сделает никогда.

П о т е х и н. Он сделал!

Е л е н а. Физическая измена... это не насмешка ещё... Это можно объяснить десятком причин... И можно изменить, не теряя уважения.

П о т е х и н. Слушайте... вы не человек! Вы мозг... отвлечённая мысль... без плоти, без сердца...

Е л е н а. Вам следует сказать ещё, что во мне нет зверя... красивого, благородного зверя... и прочее, что принято говорить для того, чтобы опьянённая словами женщина давала вам больше страсти... (Выпрямляется и говорит с большой силой, тихо.) А представьте... что всё есть во мне – и зверь, и страсть...

П о т е х и н. Не дразните меня... за что же? И зачем мы ломаете себя?

Е л е н а. Разве я не ясно сказала?

П о т е х и н. Что ваши слова! Всё это поза, роль!

Е л е н а. Думайте как вам угодно. Пусть я рисуюсь, я играю... (Точно пьянея.) Проиграю я – выиграет жизнь через его радость.

П о т е х и н. Будь он проклят... и вся эта дурацкая жизнь!

Е л е н а. Ужасно режут ухо эти ваши странные тирады и проклятия!.. Где вы их берёте? Давайте кончим, мне пора идти...

П о т е х и н. Всё это – ужасно! В этом нет женщины!

Е л е н а. Вот видите! Давайте же кончим, я вас прошу. Всё сказано. Вы больше не будете говорить со мной о муже моём и о вашей любви... не будете, да? (Улыбаясь.) Разве я годна для романа? Такая рассудочная...

П о т е х и н. Ну... а если б... я хочу понять вас! Если б ваш ребёнок не умер?

Чудаки. Максим Горький gorki.ucoz.ru

Е л е н а. Я думала бы так же. Дети без меня ведь только мешали бы ему... он, конечно, отдал бы их мне...

П о т е х и н. Нет! Не верю я вам! Вы хотели скрыть ваше унижение, ваше отчаяние, и – ничего вы не скрыли... Вам – трудно!

Е л е н а. Разве я говорила, что легко?

Т а и с ь я (прислуга Медведевых, бежит и ещё издали зовёт). Доктор... скореечка, батюшка!..

П о т е х и н (отталкивая кресло). О, чёрт... Что там?

Т а и с ь я. Вдруг плохо сделалось... кровь горлом...

Е л е н а (устало). Идите же!..

(Потехин молча уходит.)

Т а и с ь я (идя за ним). Шляпочку-то забыли надеть...

(Елена опускается в кресло и точно спряталась за спинку другого. Саша идёт по террасе с газетами и письмами в руках, видит Елену, испуганно остановилась.)

С а ш а. Вы не ушли? Вам нехорошо?

Е л е н а (не вставая). Это почта? Мне – ничего?

С а ш а. Только доктору. (Положила почту на подоконник. Робко.) Может быть, вы пойдёте к себе?

Е л е н а. Нет. Здесь хорошо.

С а ш а. Елена Николаевна... я боюсь! Что же с вами будет?

Е л е н а. Не беспокойтесь, Саша, ничего... Устала... не хватает сил у меня... Господи – помоги! Не хватает сил...

С а ш а (прислушалась). Ой... идут... идёт она...

Е л е н а (привстала и снова бессильно опустилась в кресло, точно в обмороке). Уйдите, Саша... прошу вас... я приду...

(Слышен негромкий, обиженный голос Ольги. Она и Мастаков идут с правой стороны.)

О л ь г а. И это говорит мужчина... влюблённый мужчина! Стыдитесь!

М а с т а к о в. Но – как же так... сразу?

О л ь г а. А чего ждать? Пусть все знают, что ты меня любишь... Разве я не имею права гордиться этим?

М а с т а к о в. При чём тут все? Странно! (Он растерян, в нём есть что-то слегка комическое. Жестикулирует нервно, растрёпан и неловок. Ольга – возбуждена, в голосе её звучат досада и тревога.)

О л ь г а. Я не люблю тайн!

М а с т а к о в. Дай мне подумать!

О л ь г а. О чём?

М а с т а к о в. Я, право, не знаю... не представляю... как это я скажу ей!

О л ь г а (возмущена). Послушайте – что же это такое? Вы говорили, что любите меня? Это была шутка? Да?

М а с т а к о в (уныло). Какая же шутка, когда вот... Я совершенно не думал, что

Чудаки. Максим Горький gorikiyamaxim.ru

это так сложно всё... Что ж? Я пойду... скажу ей! Скажу в двух словах, а там уж... Вы, если можно, не уходите... я скоро вернусь...

О л ь г а. Хорошо... я буду в роще.

(Мастаков, решительным жестом поправив шляпу, идёт на террасу. Елена встала встречу ему. Она спокойна.)

М а с т а к о в (остановился, снял шляпу и, размахивая ею, не глядя в лицо жены, говорит). Вот, Лена... я пришёл сказать... хотя – совершенно не подготовлен... и – вообще... ты, пожалуйста, не сердись... пойми...

Е л е н а (подходя к ступеням террасы, зовёт Ольгу). Послушайте...

(Ольга остановилась.)

М а с т а к о в (испуган). Она – не виновата, честное слово!

Е л е н а (сдержанно). Ты – перестань! Оставь нас... Предложи Ольге Владимировне сказать мне всё, что она находит нужным, а сам – уйди...

О л ь г а (медленно подвигается к террасе. Смущена, но храбрится. Смотрит на Елену удивлённо и подозрительно). О чём же говорить? Вы, кажется, поняли... значит, всё ясно...

М а с т а к о в. Видишь ли, Лена... это случилось неожиданно... (Он умоляюще складывает руки и просит.) Не надо обижать друг друга, а? И не надо драм! Вы обе такие...

(Не договорив, он махнул рукой и ушёл в комнаты. Елена на верхней ступени террасы, Ольга на земле, держится за перила. Молчание.)

О л ь г а (улыбаясь). Ну-с... вы молчите? Могу идти?

Е л е н а (мягко). Зачем торжествующие улыбки? Мы обе – женщины, не забудьте это. Сегодня я стою перед вами в смешном положении... уверены ли вы, что завтра, через неделю...

О л ь г а. Не пугайте... это излишне! Понятно, что вы злитесь, презираете меня...

Е л е н а. Я? Нет! Почему бы?

О л ь г а. О, я знаю, вам известно, что это не первый мой роман...

Е л е н а (удивлена, не поняла). Зачем говорить об этом?

О л ь г а (воодушевляясь). Вы должны знать, что на меня смотрели более жёстко, с большим торжеством, чем я на вас. Беру маленький реванш! Не скрою – мне приятно, что вас, такую умницу, оценили дешевле меня. (На секунду задумалась, странно улыбаясь.) Видите, какова жизнь? Не думайте, что я чувствую себя виноватой перед вами... Право, неясно понимаю – зачем я говорю всё это... Вы меня, кажется, задели немного...

Е л е н а (быстро). Я не хотела этого! Чем же?

О л ь г а (пытливо). О, я не в дурном смысле... Мы обе женщины сказали вы... Это вышло у вас... очень уместно... я едва не сказала ловко! Мне можно идти, я думаю?

Е л е н а (спускаясь к ней). Уж если вы заговорили так...

О л ь г а (подозрительно). Как – так?

Е л е н а. Так просто.

О л ь г а. А! К чему же мудрствовать? Всё ясно.

Е л е н а. Вы думаете?

О л ь г а. Конечно!

Е л е н а (твёрдо). Вы считаете отношение Константина к вам серьёзным, глубоким, да?

О л ь г а (иронически). О, какой вопрос! А зачем вам знать, что я думаю?

Е л е н а (тихо, ласково). Согласитесь, что его жизнь не безразлична для меня.

О л ь г а (слегка смущена). Ах, вот что... его жизнь! Это занимает вас? Но - об этом вы спросите его... он должен знать, насколько серьёзно...

Е л е н а. Он - не знает.

О л ь г а (подозрительно смотрит на неё). Позвольте не поверить вам... и спросить вас - чего вы хотите от меня?

Е л е н а. Представьте, что с вами говорит его мать или старшая сестра...

О л ь г а (с улыбкой). Представить вас его старшей сестрой... это было бы возможно... но - вы были его женой... и человеку, который обижен, нельзя верить!

Е л е н а (сухо). Я говорю в ваших интересах...

О л ь г а. Весьма благодарна... вам не кажется, что это комично?

Е л е н а. Нет, не кажется. Я хотела предупредить вас... он плохо знает себя, он живёт - играя...

О л ь г а (скрывая тревогу). Я тоже люблю так жить...

Е л е н а. Ненавидит всё тяжёлое, неприятное, но когда оно близко к нему - теряет...

О л ь г а. Что же... следует отсюда?

Е л е н а. Подумайте.

О л ь г а (нервно смеётся). Я, вероятно, очень грубо ответила бы всякой другой женщине... (С намерением задеть.) Но вас - мне жалко! (Ждёт ответа.) Вы хотите запугать меня... я удивляюсь, почему вы не говорите ничего о таланте Константина Лукича, о его обязанностях пред обществом, служении искусству и так далее...

Е л е н а (спокойно). Я не нашла нужным говорить об этом... уж если вы становитесь рядом с ним - значит, вы уверены, что сумеете поддержать в его душе ту светлую силу, которая увлекла вас. Вы убеждены, конечно, и в том, что с вами ему будет во всех отношениях лучше, чем со мной...

О л ь г а (волнуясь). Я совсем не хочу брать на себя задач надзирательницы за ним, я не синий чулок! Вы рисуете его ребёнком? О, ла, ла! Знаю я этих ребят!.. (Всё более сбиваясь с тона.) Вот, вы смотрите на меня так, точно я вытащила у вас кошелек из кармана... Я кажусь вам вульгарной... конечно! (Ждёт ответа.) Вы сделали со мной что-то дурное... вы запутали меня в чужих мне мыслях... чего вы хотите? Разве я виновата в том, что случилось? (Мастаков является в дверях.) Я не встречала людей таких, как он... не могла представить, что есть человек, который так необходим для меня...

Е л е н а. А вы - для него?

О л ь г а (почти кричит). Это не ваше дело! Вы не смеете допрашивать меня!

Е л е н а (вспыхнула, холодно). Я не нуждаюсь более в этом...

(Ольга бешено смотрит на неё, хочет что-то сказать.)

Е л е н а (жёстко). Вам нехорошо?

(Ольга, закрыв лицо руками, быстро идёт прочь. Елена провожает её глазами – лицо у неё суровое. Оборотясь – видит мужа, он бледен, удивлённо и боязливо следит за нею.)

Е л е н а (твёрдо, почти грубо). Если бы она была хуже или лучше, она была бы сильнее меня...

М а с т а к о в. Чёрт побери, Елена... чёрт побери... какая ты! Кто ты такая?

Е л е н а (проходя мимо него). Женщина, которая любит! (Ушла в комнаты. Он проводил её глазами, потирает лоб, быстро сходит с террасы и тотчас снова взбегает назад.)

М а с т а к о в (бормочет). Нет... сначала необходимо... Елена!

(Е л е н а выходит.)

М а с т а к о в. Подожди... куда ты?

Е л е н а. К Медведевым.

М а с т а к о в. Слушай... я, честное слово...

Е л е н а (вспыхнув). Ты, мальчишка, оставь меня!

М а с т а к о в (хватаясь за голову). Вот! Начинается трагедия... Послушай, успокойся немного...

Е л е н а (с тоской). Это – дико... это – пошло! Ты, такой ясный и чистый, ты мог увлечься... Она тебя отравит, погубит...

М а с т а к о в (с отчаянием). О, чёрт... да разве я знал, что это так серьезно?..

Е л е н а (спокойнее). Для таких людей, как ты, женщины – ступени, по которым вы идёте куда-то выше... но она – ниже меня, пойми это! И не она для тебя, ты – нужен для неё! Вот чего я не допущу! Чтоб ты – ты! – служил развлечением... нет!

М а с т а к о в. Ах, ты рассуждаешь... но какой же чёрт...

Е л е н а. Да, я рассуждаю!.. И – за двоих: за себя, чтобы не мешать тебе, и за тебя, потому что ты живёшь но думая...

М а с т а к о в. Во всём всегда вес и мера!.. Это невыносимо!

Е л е н а. Но ведь ты не взвешиваешь, не измеряешь, а это необходимо среди живых людей, которые чувствуют боль и причиняют её друг другу. Я должна рассуждать и взвешивать, чтобы оградить тебя от всего ненужного, от всего, что может нарушить строй твоей души... ты думаешь, это легко мне? Не это ли сушит мою душу? Не это ли убивает во мне смех и радость? И вдруг я вижу... это может убить! Я поняла бы тебя, если б ты увлёкся Сашей... это такой чистый, светлый, освежающий душу человек...

М а с т а к о в (ворчит). Саша... ну что за фантазия!.. Елена, человек нуждается в свободе... а я – человек...

Е л е н а. Предположи на минуту, что и я тоже человек...

М а с т а к о в. Ты иногда – точно старый монах, а я – твой послушник... Впрочем, может быть, это неверно, я ведь не знаю, как живут монахи... Честное слово – всё это гораздо сложнее, чем я думал, и совсем не весело! Я не люблю драм... а тут – и ты и она – обе недовольны...

Е л е н а (не сдержав улыбки). Какой ты смешной мальчишка! Подумай что ты говоришь? Разве можно играть людьми?

М а с т а к о в. Право же, Елена, у меня в груди нет места для всех этих

Чудаки. Максим Горький gorki.ucoz.ru
серьёзностей и... длинных монологов... (Воодушевляясь.) Я ужасно рад, что живу и что вот – вокруг меня гудит, волнуется Россия, такая милая, славная страна... мелькают эти смешные, страшно близкие душе, русские человечьи рожи... дети какие-то особенные растут – ты замечаешь? И русские матери... и эти старые чудаки, такие трогательные в своей ненужности... душа полна хорошей, необидной жалостью к ним. Страшно приятно жить, Лена, честное слово! Догорают огни, но уже вспыхнули другие... хочется писать стихи, поэмы, хочется говорить светлые, задушевные слова... и подмигивать людям глазом – "ничего, братья! живём!" И когда думаешь, говоришь об этом – тот, кто сидит рядом с тобой, незаметно делается так близок тебе, дорог и мил, что решительно всё равно, кто он и как одет мужчиной или женщиной...

В у к о л (идёт прихрамывая). Эй, господи!..

Е л е н а (вздрагнув). Подожди... Что там? Плохо?

В у к о л. Идите... Все растерялись... плачут...

М а с т а к о в. Вот видишь, Лена... (Она быстро уходит.) Мне тоже надо идти туда?

Е л е н а (издали). Нет... не надо!

В у к о л. Ну, как же нет? Конечно, идите...

М а с т а к о в. Но зачем же?

В у к о л. Гм... знакомый умирает... долг вежливости, что ли... Потом – вы писатель, вам всё надо видеть... это ваш долг.

М а с т а к о в (вздыхнув). Ну... пойдёмте...

В у к о л (на ходу). Да, вот и ещё одним человеком меньше! Люди уходят, а противоречия – остаются... вот, напишите-ка аллегорию на эту тему!

М а с т а к о в (ворчит). Очень нужно! Терпеть не могу аллегорий...

(Ушли.)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Ночь. Палисадник перед дачей Медведевых. Акация и сирень скрывают маленький, в два окна, домик, с крыльцом из стеклянных рам. Окно с правой стороны крыльца завешено простынёй или скатертью. Сквозь открытые двери на ступени крыльца падает полоса света – в прихожей горит лампа. На ступенях С а м о к в а с о в и З и н а, доктор ходит мимо них и курит. Из дома доносится возня – двигают мебель, стучат посудой.

З и н а (негромко). Сегодня утром он говорил, что ему лучше...

П о т е х и н (угрюмо). Все фтизики так говорят перед концом.

С а м о к в а с о в (убедительно). У меня сестра – чудеснейшая женщина! – всю жизнь ухлопала на это... положим, её муж болел другой болезнью... но всё равно ведь! Девять лет она ухаживала за ним... вы подумайте, – всю молодость, всю силу женщины отдать капризам больного! Ужас! В тридцать лет она была полуседедая... овдовела – на руках пятилетний мальчик, невыносимо нервозный, слабенький...

П о т е х и н (подходит). И вы тоже караете слабых?

С а м о к в а с о в. Нисколько...

П о т е х и н. Уж вам-то не к лицу!

С а м о к в а с о в (задет). Но, позвольте! (Потехин идёт прочь. На крыльцо вышел Вукол.) Я ничего не говорил...

П о т е х и н (издали). Опоздали вы с этими теориями... Они уже не в моде...

С а м о к в а с о в (Зине). Что с ним? Чего он злится?

З и н а (встаёт, идёт в дом). Не знаю. Устал, я думаю...

В у к о л. Обижает тебя потомок мой? (Садится рядом, охая.) Ноет у меня ножка... Вот, Мирон, судьба очистила тебе дорогу...

С а м о к в а с о в (болезненно). Брось это... что ты!

В у к о л (тихо). Ты думаешь, она в глубине души не рада? Хе! Я, брат, знаю женщин...

С а м о к в а с о в. Полно, Вукол! Ничего мы с тобой не знаем. (Подумав.) У меня, например, никогда не было желания – понимаешь? упорного, страстного желания что-либо знать. А оказывается, это необходимо...

В у к о л. Гм... это ты о чём говоришь?

С а м о к в а с о в. А о том, что вот мне сорок два года, и я не понимаю человека, который моложе меня, не понимаю его мысли и жизнь... Слов даже не понимаю! И это – в сорок лет! Хороша страна, где все чужды друг другу... Представь себе европейца...

В у к о л (позёвывая). Чепуха! Европейцев ты не знаешь... ты их в кутузку сажал? Нет. И не надо говорить об европейцах, думая о женщинах...

П о т е х и н (подходит). Нет ли спичек, отец?

В у к о л (даёт). Возврати. А то ты возьмёшь коробку и – пропал! А я с больной ногой хожу, ищу – где спички?

П о т е х и н. Если у тебя ревматизм – иди и ляг в постель. Это лучше, чем сидеть ночью на воздухе. (Уходит, забыв отдать спички.)

В у к о л (толкнув Самоквасова). Видишь? Женись скорее. В семьдесят лет у тебя будет сын доктор, культурный человек... Очень удобно! Отберёт у тебя спички, а ты... да-а... (Помолчав.) Заметь, какой странный язык у нас: мы говорим – сидеть на воздухе. Какие лёгкие люди, подумаешь! Или – пройти курс университета. (Кивая головой в сторону, куда ушёл сын.) Вот – он прошёл, насквозь прошёл... и это не особенно задело его...

С а м о к в а с о в (неохотно). Какой ты...

В у к о л. Болтун?

С а м о к в а с о в. Нет... как это? Мизантроп...

В у к о л (с некоторой гордостью). Я, брат, не мизантроп, а скептик... Мало у нас скептиков. Это признак, что мы недостаточно умны...

С а м о к в а с о в (усмехаясь). Ты вот говоришь, а я не понимаю зачем?

(Елена и Зина выходят, Самоквасов встал, давая им дорогу.)

Е л е н а. Господа, пожалуйста, помогите Константину перенести сундуки...

С а м о к в а с о в. Иду! Ты бы сидел, скептик.

В у к о л (идя за ним). Сыро... Потомок прав.

Е л е н а (лаская Зину). Ляг иди, может, уснёшь.

З и н а. Нет, не хочу... я боюсь, что усну.

Е л е н а. Боишься?

З и н а. Мне – стыдно. Я не чувствую горя, утраты... я так странно, стыдно спокойна! Развязалась петля... я могу не лгать, не насиловать себя... мне не надо казаться нежной и любящей... Это хорошо и – нехорошо...

Е л е н а (улыбаясь). Вот – слышал бы тебя Константин...

З и н а. Нет, не говори ему! Я не хочу, чтобы он считал меня бесчувственной... я так уважаю его!

П о т е х и н (подходя). Вам необходимо свидетельство о смерти, я сейчас напишу. (Проходит в дом.)

З и н а. Как он это сказал!.. Когда он подходит близко ко мне, я ощущаю прикосновение какой-то тяжести... Лена, я не кажусь тебе бессердечной?

Е л е н а. Перестань об этом. Тебе двадцать лет.

М а с т а к о в (в дверях). Елена, иди сюда! (Когда она подошла, он возмущённо шепчет.) Слушай, какого чёрта Николай рычит на меня? Стоит под носом и сверкает белками... что ему нужно?

Е л е н а (уходя). Я сейчас, Зина.

М а с т а к о в (идя за нею). Возмутительно!

(Зина утомлённо потянулась, наклонила к лицу ветку дерева, обоняет её запах. Вздрогнула, взглянув на занавешенное окно, пугливо отряхает руки.)

С а м о к в а с о в (с шалью в руке). Возьмите-ка, сыро!

З и н а. Спасибо! Какой вы заботливый.

С а м о к в а с о в (расцветая). Ну... это не я... это ваша мама велела мне. Хорошая у вас мама!

З и н а (кивая головой). Да.

С а м о к в а с о в (волнуясь). Вообще, женщины – самое лучшее... Особенно теперь, когда наш брат... несколько раскис. Знаете, мне можно поверить, – я женщин видел! Я очень плохо, очень грубо жил... немного могу вспомнить без стыда за себя... и, если было что хорошее, чистое в моей жизни, – это были вы... женщины... Готов молиться: да сохранит их господь бог, ибо нет у него среди русского племени ничего лучше женщин!

П о т е х и н (выходя). Ого! Вот как?

С а м о к в а с о в (оборачиваясь к нему). Ах... это вы! Конечно – не согласны? Желаете спорить?

П о т е х и н. Не время и не место.

С а м о к в а с о в (горячо). Ироническим возгласам – место, а правдивому свидетельству – не место? Почему-с?

П о т е х и н (проходя мимо него). Вы, точно влюблённый, вспыхиваете... что с вами, а?

С а м о к в а с о в. Ничего особенного, благодарю вас! Вы как себя чувствуете? Вот, Зиночка, посмотрите: вчера он призывал народ – вперёд, на бой с судьбой, а сегодня, извольте видеть, – разочарованному чужды все обольщенья прежних дней! З и н а. Не надо сердиться!

С а м о к в а с о в. Но ведь это же... это обман... это – игра людьми...

П о т е х и н (раскуривая сигару). Чего вы так волнуетесь? Попросите, и – вам снова дадут место в полиции... (Отходит.)

Зина (болезненно). Ой, доктор... что это вы!

С а м о к в а с о в (задыхаясь). Вот... культурный человек... а? Благородно, а?

З и н а. Он... может быть, он нездоров?

С а м о к в а с о в. Да-с... паралич души у него... Нет, извините... мы все - злые, грубые... и ничего не любим... ни друг друга, ни себя самих, ни родину... У нас в жилах течёт дурная, холопья кровь... мы ещё не пережили крепостного права... мы - изнутри рабы...

В у к о л (выходит - Зине). Вас мать зовёт. Ты что, Мирон?

С а м о к в а с о в (показывая кулак). Сын твой...

В у к о л. Ага!

С а м о к в а с о в. Когда-нибудь я его...

В у к о л (глядя в темноту). Никто не любит моего потомка.

С а м о к в а с о в. А он? Он кого любит? Умеет он любить?

В у к о л. Не знаю. Не спрашивал.

С а м о к в а с о в. Спроси... да!

(Потехин подходит. Самоквасов, фыркнув, ушёл в комнаты.)

В у к о л. Ты что обижаешь людей?

П о т е х и н. Давай походим, отец.

В у к о л. Нога не позволяет ходить.

П о т е х и н. Ах, да... Вот что - я уезжаю... С поездом в пять пятнадцать. (Вынимает бумажник.) Вот деньги.. Потом ещё пришлю... если будут.

В у к о л. Значит, надолго... А служба?

П о т е х и н. Брошу.

В у к о л. Ты, может, на Кавказ собрался?

П о т е х и н. Почему на Кавказ?

В у к о л. Бывало, люди в твоём положении на Кавказ ездили.

П о т е х и н. Не понимаю.

В у к о л. Влюбился?

П о т е х и н (хмуро поглядел в лицо отца и усмехнулся). Н-ну?

В у к о л. Безнадёжно?

П о т е х и н. Далее!

В у к о л (принимая деньги). Ты лучше в Сибирь поезжай.

П о т е х и н. Зачем?

В у к о л. Наживёшь денег. Когда люди противны - необходимо иметь много денег.

П о т е х и н. Скажи тут всем этим, что я получил телеграмму... спешно вызвали в город к больному.

В у к о л. А зачем лгать?

П о т е х и н. Верно. К чёрту! Прощай.

В у к о л. Давай обнимемся...

П о т е х и н (обнимая). Прощай! Трудно жить, старик.

В у к о л. Не удался ты у меня!

П о т е х и н. И ты тоже не очень удался.

В у к о л. Ну, всего доброго! Стреляться не думаешь?

П о т е х и н (усмехаясь). До этого не дошло ещё.

В у к о л. То-то! Ты – в брюнеток влюбляйся, у них больше темперамента, и они быстрее решают...

П о т е х и н. Брось! Не балагурь.

В у к о л. Я – серьёзно. Я это наблюдал. Женись на еврейке – самое спокойное дело. Они – плодовые, хозяйство любят... пойдут у тебя дети, и завертится тихонько эдакое колесо...

П о т е х и н (усмехаясь). Всё сказал?

В у к о л (отпуская его руку). Не плохо говорю! Прощай...

(Потехин уходит. Старик садится на ступени, качая головой, и что-то шепчет вслед сыну. Выходит Медведева, усталая.)

М е д в е д е в а. Закусить хотите? Там самовар готов. Спать никто не ложится. Где доктор-то? Устал он...

В у к о л. Да, устал. Рановато несколько, а вот – устал...

М е д в е д е в а. Ну, вы всегда двоясмысленно говорите.

В у к о л. Уехал он. Просил кланяться всем. В Сибирь уехал.

М е д в е д е в а. Вы что, батюшка, бредите?

В у к о л (махнув рукой). На Кавказ.

М е д в е д е в а. Ещё куда?

В у к о л. Не знаю.

М е д в е д е в а (вздыхнув). Эх вы, чудаки! Поглядишь на вас – так станет жалко всех! Туда же, шутки шутят, будто им весело... притворяются умными да будто гордыми... совестясь друг пред другом слабостей своих... А вам бы просто сойтись друженько, да поговорить, да поплакать над собой, не стыдись... нечего роли-то играть... публика-то разошлась уж... одни вы остались... одни!

В у к о л. Я в спектакле не принимал участия... я сам – публика.

М е д в е д е в а. Каждый поодиночке тоскует смертно, стыдится всяко... а на людях – пыжится, серьёзное лицо делает... куда уж! А вы поближе друг ко другу, поближе...

В у к о л. Премудрая – довольно! Это меня не касается. А вот что, добрая баба-яга... ведь сын-то у меня в самом деле исчез...

М е д в е д е в а (равнодушно). Куда?

В у к о л. Может быть – в Африку, может – ко всем чертям...

М е д в е д е в а (недоверчиво). Фокусничаете вы с ним, батюшка... Идите-ка чай

пить. (Идёт с ним в дом – встречу им Мастаков и Зина.) Слышали – доктор-то? Уехал!

М а с т а к о в. И прекрасно! Нужды в нём ни у кого нет. (Зине.) Мы походим немножко, да?

З и н а. Пожалуйста. Очень душно, и голова кружится.

М а с т а к о в (не зная, о чём говорить). Может, вам нужно принять каких-нибудь капель?

З и н а (улыбаясь). Каких же?

М а с т а к о в. Не знаю. (Вздыхнул.) Елена никогда не принимает лекарств. А вот Ольга Владимировна пьёт какие-то капли. Иногда от неё пахнет чем-то оглушающим... вроде эфира. И духи у неё... убийственно крепкие...

З и н а (с интересом). Вам нравится она?

М а с т а к о в. Она? Гм... Д-да... как сказать? Не всегда, я думаю... (С оживлением – но искусственно.) Эх, какая хорошая ночь! Так бы и запел!

З и н а (с упрёком). Что вы? Здесь?

М а с т а к о в. Это действительно... глупо сказал я... Да я и не умею петь... (Стараясь попасть в тон.) Конечно... люди рождаются и умирают... днём и ночью...

З и н а (неволью улыбулась). Вы так сказали... точно упрекаете их за это.

М а с т а к о в (смущён). Да? Вот видите... чёрт возьми! (Просто.) Это, должно быть, потому, Зина, что я не знаю... как следует говорить, когда в доме покойник... Я столько прочитал ужасов о смерти, все они так плохо написаны, что у меня нет уважения, нет интереса к этой теме... О смерти сказано больше, чем следовало... она стала похожа на актрису, которую перехвалили. Очень однообразная актриса, но – кричат – ах, она гениальна! (Увлекаясь, он берёт зину под руку.) Конечно, однажды надо будет умереть... в один прекрасный день. Но, милая девушка, до того дня я проживу тысячи прекрасных дней... тысячи – вы понимаете? И каждый день – новые лица, новые движения души, новые цветы и солнце. (Серьёзно.) Знаете ли вы, что солнце каждый день новое? Вы читали что-нибудь о Хорсе, боге солнца, и дочерях его хорсалках, иначе – русалках? Вы любите мифологию?

З и н а. Я её не знаю.

М а с т а к о в. О, это надо знать! Это изумительно красиво... и, как всё детское, – просто, мудро, невыразимо трогательно. Вам это необходимо знать, вы сами такая русалочка... Я иногда смотрю на вас и думаю – как счастлив будет человек, которого вы полюбите... представляю себя на его месте... это ужасно хорошо и полно самых капризных неожиданностей...

З и н а (смущённо). Послушайте... уместно ли...

(В палисадник входит Ольга с букетом цветов в руках. Она одета в тёмное, стоит за кустами и слушает.)

М а с т а к о в (увлечён). Если бы вы знали – какая это счастливая особенность представлять себя чем хочешь! Королём, трубочистом, паяцем! Живёшь десятками жизней, чувствуешь все радости и печали мужчин и женщин... скучные, тяжёлые думы стариков и милую, радужную путаницу детской души...

З и н а. Это удивительно интересно...

М а с т а к о в. Недалеко отсюда лежит камень-валун... такой старый, серьёзный камень, весь в морщинах... я знаю, что он был когда-то вершиной горы и звёзды были ближе к нему, чем теперь, – он это помнит, и ему скучно... Понимаете? Об этом камне я мог бы рассказать в четырёх строках... только четыре строгие строки! Видите? Так живёшь... Вдруг – полюбишь вас и думаешь о вас целый день... носишь ваш образ в сердце своём, и вы поёте мне такие славные, чудные песни...

З и н а (отнимая у него руку). Что вы говорите? Разве можно говорить со мной об этом... сегодня!

М а с т а к о в (удивлён). Нельзя? (Она быстро идёт прочь от него.) Но... когда же можно... странная девушка!

О л ь г а (выходит, иронически). Вы – поторопились!

М а с т а к о в (тревожно). Ты – снова... Послушай – Елена тоже здесь!

О л ь г а. Вот почему вы не приходите ко мне! Это и есть та работа, которой вы так заняты?

М а с т а к о в (тревожно, тихо). Если вы встретитесь – я не знаю, что буду делать...

О л ь г а (стараясь сохранить спокойствие). Не знаете? Да?

М а с т а к о в. Честное слово...

О л ь г а. Честное слово и – вы?

М а с т а к о в. Когда люди смотрят друг на друга свирепыми глазами мне стыдно, я... я чувствую себя совершенно лишним...

О л ь г а. Вы отдаёте себе отчёт?..

М а с т а к о в. Ах, отчёт! Конечно... я всегда делаю глупости!

О л ь г а. Не притворяйтесь!

М а с т а к о в. Ш-ш! Зачем же кричать?

О л ь г а. Что это такое? Ваш способ обратить в шутку отношение ко мне, да? Вы плохо, вы пошло придумали!

М а с т а к о в. Ах, зачем ты говоришь этим тоном? Что я тебе сделал? Ведь ты – не девушка... и я не могу жениться на тебе немедленно... это смешно! Ей-богу – это смешно!

О л ь г а (тише). Не смейте издеваться надо мной! Я требую объяснений! Я не знаю... это, наконец, жестоко... это – грязно! Послушайте, проповедник добра и красоты, или как вас там зовут...

(Из дома выходит Елена.)

М а с т а к о в (раздражаясь). Я же объясняю вам русским языком...

О л ь г а (видит Елену). А, милостивый государь, теперь я вам сделаю небольшой скандал... вам всё-таки будет неловко...

М а с т а к о в. Что же это будет! Чего вы хотите?

О л ь г а (бросив цветы). Елена Николаевна... позвольте вам напомнить ваши слова... мы обе женщины...

Е л е н а (кутаясь в платок, тихо говорит, подходя ближе). Пожалуйста, уйдёмте отсюда.

О л ь г а. Но вы – умнее меня... вы устроили как-то так, что... я, кажется, с ума схожу!

Е л е н а. Константин, ты плохо выбрал место...

М а с т а к о в (почти грубо). Я ничего не выбирал! И ничего не понимаю! Что требуют от меня? Чтобы я немедленно венчался? "Исайя ликуй"? Ещё раз – "ликуй Исайя"?

О л ь г а. Что за пошлая шутка! Послушайте, он сейчас объяснялся в любви Зине...

М а с т а к о в (удивлён). Я?

О л ь г а. Он носит её образ в сердце своём... говорил он ей...

М а с т а к о в. Послушайте! Что за глупость?

О л ь г а (мечется, взбешена). Это не глупость, это носит другое имя! Авантюризм, распущенность... Мне – стыдно, сознаюсь – я никогда не бывала в таком смешном, дурацком, унижительном положении... о да, сознаюсь!

М а с т а к о в (смотрит на них обеих по очереди). Довольно! Говорите что вам угодно, делайте что хотите, а я – я уеду! Я не позволю тащить меня на верёвке даже и в рай... Ничего дурного я не сделал, и никто не страдает, это я страдаю!

О л ь г а (Елене). Какова наглость?

Е л е н а (спокойно). Не надо сильных слов... они ничего не объясняют.

М а с т а к о в. Вам угодно, против всякой очевидности, считать меня виновным в проступке, который... в котором и вы принимали участие, как я помню... Позвольте! Я осуждён? Очень рад! Я уезжаю, Елена... я иду уложить чемоданы... вы уж доконайте меня в моём отсутствии!

О л ь г а. Что за дикая выходка! Неужели это нормальный человек? Или очень ловкий? Не понимаю!

М а с т а к о в (горячится). Перестаньте болтать! Я уезжаю! Я не могу так жить – у всех на меня какие-то вассальные права... и – при чём тут Зина? Ты же сама, Елена, просила меня развлечь эту вдовую девицу! (Спокойнее и проще.) Если я действительно виноват – я извиняюсь... совершенно искренно, да! Но я скажу, что правда, великая правда сказана о женщинах словами... я забыл эти слова... вы заставите всё забыть! (Он быстро уходит из палисадника. Ольга растерянно смотрит вслед ему. Елена сумрачно задумалась.)

О л ь г а (тихо). Он действительно уедет?

Е л е н а. Не думаю.

(Пауза.)

О л ь г а (подавленно). Вот мы снова друг против друга... Вы действительно поставили меня в смешное положение... ведь это вы, да?

Е л е н а (тихо). Нет, не я...

О л ь г а. Гм... Мне надо уходить... (Елена молчит.) Послушайте, вы так много говорили о женской солидарности и высоких идеях... но – как же вы можете прощать ему это... эти выходки... распущенность эту?

Е л е н а. Прошлый раз я, должно быть, говорила недостаточно ясно и виню себя за это теперь...

О л ь г а (издеваясь). Слышали бы вы, как он говорил Зине о своей любви!

Е л е н а. Завтра он может повторить это другой девушке или вам...

О л ь г а (зло). О, нет! Я-то уж не позволю издеваться под собой!

Е л е н а. Я сказала вам – он как во сне живёт и верит в свои сны...

О л ь г а. Лечите его! Посадите в больницу! Привяжите на цепь!

Е л е н а. Не надо быть грубой! Вы любите его рассказы?

О л ь г а. Теперь они будут напоминать мне... только моё унижение! Вы счастливы

Чудаки. Максим Горький gorki.ucoz.ru
слышать это? (Елена молча взглянула на неё.) Станный вы человек... трудно вам поверить! (Задумчиво.) Я считала его таким чистым, честным...

Е л е н а. Он таков и есть...

О л ь г а (усмехаясь). Таков? Но – как же это? Неужели вы не чувствуете оскорбления... впрочем, это не моё дело!

Е л е н а. Не будем говорить обо мне... Если он или я сделали вам больно – я готова просить у вас извинения за него и за себя...

О л ь г а (поражена, не верит). Вы, женщина, просите у меня прощения, у меня... которая... я вам не могу верить, не могу! Это – христианское смирение, что ли? Великодушие? Что это?

Е л е н а. Я – женщина, но – рассудочный человек...

О л ь г а. Не верю... вы говорите необычно... Он вас свёл с ума, этот... паяц! Иногда мне кажется, что вы – человек искренний... и, честное слово, в эти минуты – мне больно за вас!.. (Задумываясь.) Должно быть, потому больно, что мы, женщины, действительно близки друг другу... Но я тоже сойду с ума, если буду продолжать такой фантастический разговор! Прощайте. (Идёт, но тотчас возвращается и говорит серьёзно, просто.) Послушайте, мне захотелось сказать вам... кажется – это необходимо сказать, но – почему?.. Я не понимаю! Лёгкое сумасшествие... во всяком случае – я далека от раскаяния... Видите ли, я кокетничала с ним... я очень хотела того, что называется победой над мужчиной... Не знаю, зачем нужно было мне это... может быть, хотелось встать рядом с вами и выше вас... уж очень раздражало меня это ваше величие, ваше спокойствие... то, что вы сами называете рассудочностью... вероятно, это какой-то новый род бабьей хитрости... приём, незнакомый мне! (Говорит как бы сама с собой.) Он долго не замечал моих атак... вы знаете, конечно, к чему это приводит нас, женщин? Он всё рассказывал мне какие-то сказки... об индусах, берёзах, о Калевале, русских мужиках... удивительно он говорит иногда! Точно не человек... Ну, я кажется, увлеклась им серьёзно... и, желая поскорее выиграть партию, вот – проиграла! (Она растерялась, ей мучительно неловко, и она хочет скрыть это бойким тоном, небрежными словами.) Я поняла это... очень скоро... и особенно ясно – после разговора с вами... Вы гораздо убедительнее говорите тоном и глазами... а ваши слова... они мне не всегда понятны... эти ваши странные слова... (Усмехнулась.) Вы моложе меня, но у вас уже отцветает душа... знаете это? Я не хочу сделать вам больно... но честное слово! – вы иногда вызываете досадное чувство! Разве можно так относиться к мужчине? Это даже смешно, наконец... Нет, каков этот фантазёр! Точно угорь... он ловок, знаете! Да, да... он неглуп... И, кажется, недурной актёр. В нём есть какая-то незнакомая мне гибкая, но крепкая пружина... он довольно хитрый. Иногда он бывает невыносимо комичен... мне думается – это его способ самозащиты... да? (Очнулась.) Что? Я слишком разболталась!

Е л е н а (тихо). Спасибо вам.

О л ь г а (комически и зло). За что же? Тогда уж... руку, товарищ! Надеюсь, что однажды и вы будете так же побиты, как вот я! (С жарким любопытством спрашивает.) Трудно жить с таким скользким дьяволом? Но должно быть интересно? До безумия, да?

Е л е н а (как бы ослабев на секунду, отвечает так же горячо). О, да...

О л ь г а (отшатнулась). А-а... Вот какая вы?.. Ну, тогда... он глуп, конечно!.. Прощайте! Вы удивительно запутанная женщина!.. Я тоже... сглупила... Ну, я уеду! Вам хочется, чтобы я уехала?

Е л е н а (усмехаясь, смотрит на неё). Что может изменить ваш отъезд?

О л ь г а. Ого!.. Ну, всё-таки... спокойнее!

Е л е н а (с гордостью, не без боли). Он останется всю жизнь таким... он не изменится никогда!

О л ь г а (долго смотрит в лицо ей). Нет... я вас не понимаю... не могу

понять!.. (Медленно уходит. Елена устало садится на скамью в тени. С крыльца выглядывает Медведева, нерешительно идёт, садится рядом с нею и гладит волосы её.)

Е л е н а (тихо). Тяжело это... вы слышали?

М е д в е д е в а. Ничего... пройдёт. Говорила она очень громко. Вукол уши наострил, заулыбался всеми улыбками, старый леший. Я уж разговор затеяла, чтобы помешать ему подслушивать, а Самоквасов догадался, помог мне. Деликатный человек... Зина, слава богу, уснула. Спит на диване, одетая... (толкнув Елену) а Самоквасов-то комаров отгоняет от неё... а? Эх, люди, люди! Милые вы мои люди!.. (Задумалась.) Это она цветы принесла? Лилии, гвоздики... хорошие цветы! Бросила на землю... зачем это? (Поднимая.) Тоже, видно, не очень счастлива бабёночка, хоть и бойкая. Бесприютная, видно... и голодна душой-то... вот те и богатство! Не кормит оно душу... Очень горячилась она... слышно было... Куда ей против тебя, Лена! Глупенькая она... Лет, чай, на восемь, на десять старше... а тоже... Чу! Идёт кто-то... Твой идёт... гляди-ка!..

М а с т а к о в (шляпа на затылке, растрёпан, мрачен, палец на левой руке обмотан платком. Показывает его жене и угрюмо сообщает). Вот, Елена, я прищемил палец...

Е л е н а. Покажи... сядь...

М а с т а к о в (убеждённо). Саша - злая, сонная дура! Неприятнейшая личность! Ничего не понимает... в ней есть что-то кошачье... Мы разругались.

М е д в е д е в а (встала, улыбаясь). У меня примочка есть... вот я принесу её.

Е л е н а. Пожалуйста!

М а с т а к о в. Осторожнее, Лена... я не каменный.

Е л е н а. Что ты там делал?

М а с т а к о в. Что? Укладывался... чемоданы и всё... Я же не могу жить там, где со всех сторон мне кричат в уши - ты мой, наш!

Е л е н а (хмуро). Не притворяйся, пожалуйста, я тебе ничего подобного не говорила.

М а с т а к о в. Всё равно! У тебя тоже инстинкты рабовладелицы... (Помолчав.) Я уже всё с моего стола уложил в чемодан... только туда пролился одеколон, и надо было снова всё вынуть. (Насвистывает.) Чернила тоже пролились... на диван. А Саша опрокинула рыжую вазу... она, конечно, обвиняет меня! Я рад, что ваза разбилась, мне не нравятся рыжие вещи... и люди. (Искося смотрит на жену.) Тебе - ничего, что я уезжаю? Это тебя не беспокоит? (Елена молчит.) Я не могу работать, когда вокруг меня чёрт знает что творится! Все - мрачно улыбаются... Николай убийственно рычит: "Твоя жена - святая!" Это ты - святая... да! Он - филин, этот доктор... и я ведь знаю, что он влюбился в тебя... нечего! Отсюда всё и произошло... (Благородно.) Я вовсе не хочу никому мешать, и ты не услышишь от меня никаких упреков...

Е л е н а (тихо). Пожалуйста, не выдумывай глупостей!..

М а с т а к о в (не сразу). Вы поругались... ты и она?

Е л е н а. Она уезжает.

М а с т а к о в (живо). Честное слово?

Е л е н а. Да.

М а с т а к о в (облегчённо). Это - хорошо! Это - очень хорошо, Лена, право! Пусть она поедет куда-нибудь... да, да! Она - очень хорошая женщина... и сердце у неё доброе... но - она нестерпимо деспотична!

Е л е н а (тихо, с горечью). Неужели тебе не стыдно так говорить о человеке,

Чудаки. Максим Горький gorki.ucoz.ru
которого ты оскорбил... ведь ты обидел её, понятно это тебе?

М а с т а к о в (пристально смотрит на Елену). Её? Ты говоришь - её обидел я? (Помолчав, тепло и просто.) Слушай, Лена... мне очень стыдно перед тобой... я ведь знаю, что виноват! Я не умею себя вести - вот в чём дело... мне некогда думать о тебе да и о себе тоже... У меня в груди большая дорога, и по ней непрерывно проходят маленькие мыслишки, пёстрые человечки, толкуются, шумят, живут... и я забываю про тебя... Это нехорошо, да... но я, право, не могу иначе, не умею!.. Вот, какое у тебя лицо! Ты, конечно, сердисься... осуждаешь меня и... вообще...

Е л е н а (просто). Разве я жалуюсь? Обвиняю тебя? Я только хотела бы просить - относись осторожнее к людям, чужим тебе... Не помогай несчастным и слабым быть злыми, они не станут ни сильнее, ни счастливее от этого...

М а с т а к о в. Видишь ли... если она уезжает - я останусь лучше, а? Я не хочу встретиться с нею в пути!

Е л е н а (неволью улыбаясь). Разве один путь?

М а с т а к о в (обиженно). Ты хочешь, чтобы я уехал? Вот, Лена, наши желания всегда расходятся - видишь?

Е л е н а (берёт его за руку). Не надо так говорить... это неискренно, и ты - немного паясничает... да! Выслушай меня внимательно и поверь, что я никогда более не повторю тебе того, что скажу сейчас! Я не хочу мешать тебе ни в чём, что может увеличить красоту твоей души... Клянусь богом - это правда!

М а с т а к о в (серьёзно). Я - верю! Я верю тебе всегда... Понимаю, что сделал тебе больно, но... это вышло нечаянно - иногда очень трудно понять, где кончается человек и начата женщина!.. Елена - это случилось, и бесполезно об этом говорить - словами не излечишь боль в сердце... я знаю!

Е л е н а (тревожно, горячо). Пойми - я боюсь... я - боюсь, когда к тебе подходит, тебя касается будничное и пошлое...

М а с т а к о в (смеясь, тихонько целует её руки). О, не бойся, я хитрый! Очень трудно жить не притворяясь.. Часто я играю роль блаженного и дурачка, который не понимает своих поступков, - это очень помогает мне отталкивать от себя разные пошлости и мелочи... Иногда я бываю смешон... помимо моей воли - я знаю это! Знаю... И когда замечаю, что смешон, то пользуюсь этим тоже в целях защиты... да, это нехорошо? Может быть... может быть... но - это охраняет от пустяков... (Задумался на секунду.) Жизнь интереснее, честнее людей... Удивительно прекрасна эта наша человеческая жизнь, и - хорошо быть каплей росы, в которой на рассвете отражён луч солнца! Мне кажется, Лена, друг мой, хороший мой друг, что все люди, все, вокруг нас с тобой, - живут вторые, третьи жизни, они рождаются стариками, и жить им - лень! Стариками они рождаются, а я - родился впервые, ребёнком, я счастлив тем, что молод... и - безгранично люблю всё это... всё живое! (Медведева с аптечной склянкой в руке вышла на крыльцо, посмотрела на них и, улынувшись, бесшумно ушла.) Я рад, что живу, пьян от радости жить, и мне хочется рассказывать всем, впервые рождённым, о счастье моём... ты понимаешь меня, Лена?

Е л е н а. Да.

М а с т а к о в. Не прощай мне, но - забудь... хорошо?

Е л е н а. Да!

Занавес

1910 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые напечатано в "Сборнике товарищества "Знание" за 1910 год", книга тридцать вторая, СПб. 1910, и одновременно отдельной книгой в издательстве И.П.Ладыжникова, Берлин (без обозначения года издания) с подзаголовками:

Чудаки. Максим Горький gorkiymaxim.ru
"Комедия" (на обложке) "Сцены" (на титульном листе).

Пьеса создавалась М.Горьким весной – летом 1910 года и была закончена не позднее августа: дата цензурного разрешения к представлению на сцене – 2 сентября 1910 года.

После 1933 года М.Горький внёс несколько исправлений в печатный текст десятого тома собрания сочинений (ГИХЛ, М.- Л. 1933).

Начиная с 1923 года, пьеса "чудаки" включалась во все собрания сочинений.

Печатается по тексту десятого тома собрания сочинений 1933 года, отредактированному автором и сверенному с авторизованной машинописью (Архив А.М.Горького).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!